

Александр Зеленский

Илья Рясной

Госпитальер и Робеспьер

16+

Илья Рясной

Госпитальер и Робеспьер

«Автор»

2020

Рясной И. В.

Госпитальер и Робеспьер / И. В. Рясной — «Автор», 2020

Тайная магическая организация Орден Копья готова приступить к планомерному покорению обитаемой Галактики. Чтобы не допустить этого, носитель идеалов древних рыцарей Ордена Госпитальеров Никита Сомов и его друг, космический разведчик Сергей Филатов, отправляются в самое логово врагов человечества – на заброшенную планету Мечта Боливара.

© Рясной И. В., 2020

© Автор, 2020

Александр Зеленский, Илья Рясной

Госпитальер и Робеспьер

Часть первая

Из темных миров

Когда зазвучал пронзительный и противный сигнал, Никита Сомов не мог предположить, что в его двери стучится смерть.

Всю жизнь он боролся со сном, и, несмотря на явные преимущества своего могучего противника, умудрялся постоянно его побеждать. С детства он ненавидел, когда его поднимают среди ночи. Ему всегда казалось невозможным, что его вообще можно поднять раньше десяти утра. И всю жизнь он послушно вставал в самую рань, когда этого требовали обстоятельства, что случалось достаточно часто. Всею виной доставшаяся ему одна из самых беспокойных работ – работа врача.

На сей раз схватка была короткая и ожесточенная. Сон крепко держал Сомова, но пронзительный и противный сигнал тревоги пульсировал на грани сна и яви, призывая – очнись. И Сомов очнулся. Тяжело вздохнул, встряхнул головой, с трудом разлепил веки. Осведомился недовольно:

– Ну и какого дьявола?

Ответ от человека он услышать не рассчитывал. Ведь он был единственным представителем человечества среди андроидов-медиков на большой станции, парящей в «ничейном космосе» на расстоянии трех световых лет от ближайшей звезды. Объект именовался ЭМЦ ГКОБ – экстренный медицинский центр Галактического комитета общей безопасности гуманоидных и негуманоидных миров. Автономный госпиталь предназначался для помощи представителям земных цивилизаций, оказать которую на планетах было затруднительно, для борьбы с особо опасными инфекциями и инфекциями неизвестного характера, с которыми предпочтительно иметь дело вдали от обитаемых планет. С другой стороны, госпиталь служил для лечения представителей нечеловеческих рас, одновременно являясь и исследовательским центром по биологии инопланетян.

Гигантское сооружение представляло собой технологическое чудо. Все, чего достигла медицина и компьютерная техника в Галактике, было представлено в ЭМЦ.

Госпиталь мог функционировать вообще без людей. Но давно известно: какая бы совершенная автоматика ни лечила пациента, доктора-человека ей не заменить. Притом такого человека, как Сомов.

Госпитальер поднялся с силового ложа, обозначенного световыми нитями, и шагнул в шар транспортера, предусмотрительно зависшего около кровати. Через две секунды стеклянный шар рассыпался, и Сомов очутился перед командным креслом комплекса – двухметровым коконом, опутанным сетью контакткабелей, висящим как бы в открытом космосе – на самом деле это СТ-экраны создавали такую иллюзию.

– Доклад, – потребовал госпитальер.

– В зону контроля вошел неизвестный звездолет, – хриплым басом комика Санкт-Петербургского театра классической комедии Аристофанова произнес компьютер. Сомов специально настроил комп на такую тональность – ему осточертели ласковые стандартные женские голоса компьютеров.

– Санитарный транспорт, наверное, – проговорил госпитальер. – Стоило из-за этого шум поднимать?

– На запросы экипаж неизвестного звездолета не отвечает, – сообщил компьютер. –
Подает сигнал с контрольным кодом С-14.

– Может, заблудившийся странник? – задумчиво произнес Сомов.

Контрольный идентификационный код, предназначенный для опознавания медицинских транспортных, поменяли двадцать семь суток назад. Сегодня вместо С-14 действует С-15. Но это не беда – такое время транспорт вполне мог провести в пути с периферийных планет, тогда бы его просто не успели оповестить о замене. Но все же госпитальер ощутил укол беспокойства. Интуиция подавала сигнал тревоги – такой же настойчивый и противный, как тот, который поднял его с постели.

– Затребуй идентификацию самого транспорта, – велел Сомов.

Через две секунды комп проговорил:

– Приписка – планета Корея. Код – квадрат 384975. Медицинский транспорт «Цвета радуги». Соответствует... Транспорт просит швартовки. Одиннадцать больных. Эпидемия первой категории. Песочная оспа.

– Ничего себе, – покачал головой Сомов.

– Ну что, пропускаем? – развязно осведомился компьютер. – А то заждались.

– Песочная оспа... Сделай запрос в порт приписки – на Корею. Пусть ответят, где находится транспорт «Цвета радуги».

– Подтверждение получено, – через три минуты сообщил компьютер. – Данные порта приписки соответствуют.

– Пропуск, – кивнул Сомов.

Защитная система в зоне прохода начала нейтрализовываться. Через пять минут нейтрализация закончится и транспорт пойдет на швартовку.

– Визуальное увеличение, – потребовал Сомов.

Точка в секторе 155 стала расплываться, и госпитальер увидел разноцветную гамму шарообразного силового поля.

– Почему они не снимают защиткокон? – осведомился Сомов.

– Транспорт вышел из надпространства в аварийном режиме, – сообщил компьютер.

– Почему? Сделай запрос.

В воздухе возникло лицо желтокожего капитана в черно-зеленой форме Космофлота Корейских миров.

– Все тянется слишком долго, – раздраженно произнес капитан. – У нас больные люди. Их жизнь висит на волоске. Мы обязаны были выйти в аварийном режиме, теперь глушим защитполя. Какие проблемы?

– Никаких, – Сомов задумался. – Каждая секунда дорога, значит?

– Да. Мы потеряли уже столько времени! Вы будете ответственны за смерть пациентов.

– Отвечу, – усмехнулся Сомов. – Приостановить нейтрализацию защитсистем! – приказал он.

– Исполнено, – сообщил комп.

– Что происходит?! – завопил капитан.

– Отбой! – приказал Сомов. – Связь с комиссией по медикопроблемам ГКОБ.

– Напоминаю, что работа со стандартным нитевиком «Эдисон-979» требует значительных энергозатрат, а лимит на галактконтакты перекрыт еще четверо стандарт-суток назад, – назидательно занудил комп.

– Молчать. Исполнение.

– Исполняю... – Через восемь минут пришло сообщение: – Транспорт «Цвета радуги» находится в секторе Сердце Скорпиона по программе «Заслон» противоэпидемиологической службы ГКОБ, – сообщил комп.

– А кто же это? – сердце у Сомова упало.

Он терпеть не мог неприятностей. Не переваривал жизненные трудности. Он обожал размеренную жизнь, спокойствие и любил азарт лишь научного поиска. Но так получалось, что он всегда оказывался втянутым в события, мягко говоря, неординарные и опасные.

– Неизвестный звездолет, назовитесь! – потребовал Сомов и ударом по красной висящей в пространстве перед ним кнопке активизировал защиту комплекса на сто процентов.

– Неизвестный звездолет выключил свой защиткокон, – проинформировал комп.

– Увеличение.

Точка на экране начала расползаться.

– Вот черт, – прошептал Сомов, глядя, как точка приобретает очертания боевого космического корабля.

– Тяжелый штурмовик класса «Торнадо», – сообщил комп.

– Наша защита выдержит?

– Тяжелый штурмовик не в состоянии нейтрализовать силовое покрывало и защиткомплекс госпиталя.

– А это что?! – подался вперед Сомов.

В углу экрана вспикели три точки и запузарились.

– Переход из надпространства. Характеристики объектов схожи с тяжелыми штурмовиками «Торнадо».

– Четыре штуки, – Сомов хлопнул по подлокотнику. Ему захотелось сейчас очутиться подальше отсюда.

Сомнений не оставалось. На космический госпиталь обрушилась вражеская эскадра...

Пациентов клиники Форбса прозвали «морскими коньками», а саму клинику – «сортиром Нептуна». Почему в сортире бога моря должны лечиться лица, страдающие душевными заболеваниями, непонятно, но пути фольклора неисповедимы.

Аризонская специализированная психиатрическая клиника Форбса была хорошо известна на всех обитаемых мирах. Лечение в ней стоило целого состояния. Между тем многие записывались туда в очередь, растянувшуюся на полтора года. Все считали, что потомки известнейшего психиатра неоюнговской волны Дэвида Д. Форбса способны творить чудеса, закручивая разболтавшиеся винтики в человеческих мозгах. Недостатка в психопатах, наркоманах, сенсорных идиотах и компьютерных «провальщиках» в Аризоне не было. Так что клиентура не переводилась. И, судя по всему, не переведется никогда.

Помимо «морских коньков» в клинике были еще и те, кого допущенные к государственным секретам грифа «Лима-два» (а от него не так далеко до высшего грифа «Лима») называли «акулами-вонючками». «Акулы» являлись пациентами, а если точнее – пленниками спецотделения, работавшего по сверхсекретной федеральной программе. Про него знало весьма ограниченное число врачей-психиатров и высшее руководство аризонских спецслужб.

Клиника располагалась на глубине восьмидесяти метров на дне океана курортной планеты Монтана, входящей в ОПА – Объединенные планеты Аризоны. ОПА относилась к одной из двух сверхдержав Галактики Человека.

Ощущение смены дня и ночи постоянно поддерживали стереокартинки в окнах подводной станции, и поэтому немногочисленному медперсоналу и больным казалось, что клиника находится на поверхности океана.

Ведущий врач спецотделения доктор Сэмюэль Ричардсон, известный больше медикам всей обозримой галактики под псевдонимом Док Сэм, прославившийся среди широкой публики своими текстовыми кристаллами под названиями «Записки сумасшедшего психиатра»

и «Размышления гения Дока Сэма», вошел в «наблюдательную» и хмуро поприветствовал дежурного специалиста:

– Привет, Утконос, – он обожал давать своим сотрудникам и пациентам разные клички и потому никогда не помнил их настоящих имен. – Как наши дела?

Для проверки состояния больных Доку Сэму не понадобилось делать обход, достаточно было пройти в штаб (почему-то в спецсекторе привилась военная терминология, что неудивительно, если учесть количество агентов спецслужб и офицеров Пентагона, которые постоянно сшивались здесь). В штабе всегда находился дежурный врач. Туда на комп поступала и обрабатывалась вся информация о жизнедеятельности всех органов и систем пациентов отделения.

Доктор Браун, прозванный Утконосом, сидел в кресле, напоминающем кресло капитана космолайнера. Перед ним зависли в воздухе сложные цветные объемные диаграммы. Нормальному человеку они не говорили ничего, но специалист просматривал их с такой же легкостью, как просматривают комиксы. Достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, как живут пациенты, каково состояние их здоровья. А главное, не возникла ли где она – пугало и богиня спецотделения, причина его создания и головная боль персонала – госпожа Аномалия.

– Ночь прошла спокойно, – сообщил доктор Браун, нос которого действительно чем-то напоминал утиный клюв.

– Отлично, – хмуро пробурчал ведущий психиатр, теребя небольшую жесткую щеточку усов над верхней губой. – Изумительно. Прекрасно.

Док Сэм пробежался по помещению и плюхнулся в соседнее кресло. Он затребовал на экран перед собой изображения из боксов повышенной защиты.

Последние недели в отделение один за другим поступали весьма странные пациенты, четверых из которых пришлось поместить в блок повышенной защиты. За предыдущие сорок лет существования спецотделения блоки повышенной защиты использовались считанные разы. А тут в течение двух недель – четыре. Это было невиданно! У Дока Сэма было гнетущее предчувствие Больших Событий. А Большие События – это радость для историков, для других же людей, которые в них участвуют, это кара Господня. Поэтому ежедневно, перешагивая порог своего «штаба», Док Сэм содрогался от предчувствия наступления этих самых Больших Событий.

– Как в боксах повышенной защиты – активность у «фокусников» не проявлялась? – деловым тоном спросил Док Сэм.

– Тихи, как агнцы. При такой защите ни одна «акула-вонючка» пальцем пошевелить не сможет, – усмехнулся Утконос.

– Доктор, – пронзил его взглядом Док Сэм, – вы до сих пор не поняли, с чем мы имеем дело?

– Я понимаю, сэр, – Утконос поморщился, зная, что нарвался на очередной приступ немотивированной раздражительности шефа.

– Это Аномалия... А при Аномалии возможно все.

– Так точно, сэр, – Утконос готов был вскочить и шелкнуть каблуками.

Док Сэм посмотрел на него мягче.

– Расслабьтесь, – он нагнулся над Утконосом, шелкнул перед его носом пальцами и деланно захохотал.

«Псих чертов», – подумал Утконос, но с некоторым оттенком уважения, поскольку все знали способности Дока Сэма, одного из лучших психиатров Аризоны. Но то, что он слегка не в себе – этого не скрывал даже он сам, достаточно вспомнить его «Записки сумасшедшего психиатра».

– А как Его Преосвященство Обезьяна? – осведомился Док Сэм.

– Глухо. Чего мы с ним возимся? – пожал плечами Утконос. – Он давно превратился в бурдюк, в котором прокисло все вино. Он ни на что не способен. Ни на что не годен. Его место на свалке.

– Аномалия, Утконос, черт возьми! – в бешенстве заорал Док Сэм. – Госпожа Аномалия! Она не прощает идиотской успокоенности!

Утконос поежился. Ему показалось, что шеф сейчас пнет его ногой. Но психованный психиатр опять успокоился.

– Покажи Его Преосвященство Обезьяну! – потребовал он.

Утконос коснулся призрачной клавиши на СТ-пульте – самого пульта не было, была его голограмма, но касания иллюзорных клавиш приводили к такому же эффекту, как если бы они были настоящими.

На экране контрольного СТ-монитора, занимавшего чуть ли не всю стену «штаба», возникло изображение небольшого прямоугольного помещения, чьи стены, пол и потолок были обиты мягким пористым «силоэластиком» – уникальным веществом, в котором вязли любые усилия пациентов. Об него можно было биться головой, руками, на него можно было падать с высоты и при этом не получать ни малейших повреждений – он служил мягкой подушкой и надежной защитой. Так же в помещении было полно аппаратуры. Вздвигались кольца тонко-энергетических диагностов, крутились спирали эфирных сканеров. Пациент при всем желании не смог бы дотронуться до них, компьютер при приближении пациента изменял положение аппаратуры, вещи двигались, как живые зверушки, боящиеся чужого прикосновения. Бокс был совершенно безопасен. В нем невозможно было причинить себе телесные повреждения. При признаках буйства пациента надежно спеленали бы силовые поля.

В боксе находился до безобразия толстый чернокожий человек, не подававший признаков жизни. Его обнаженное тело казалось огромным бурдюком с жидкостью, которая волнами перекатывалась под кожей. Он парил в воздухе в линиях силовых полей.

– Черный шаман! – с чувством произнес Док Сэм, внимательно вглядываясь в пациента.

В недавнем прошлом истинный владыка планеты Ботсвана, глава культа Буду, Черный шаман был вывезен со своей родины, которую пытался утопить в крови, и попал в руки исследователей. Пентагоновские ученые пытались исследовать магию великого колдуна и научиться использовать ее, создавать технические системы, воссоздающие схожие эффекты. Но получилось все по-другому. Черный шаман взял под психотронный контроль несколько человек и едва не развязал галактическую войну между двумя супердержавами – ОПАи Московитянской Федерацией, после чего и был отправлен в блок высшей защиты в подводную клинику. Но идея исследовать его суперспособности еще жила.

После всех своих неудач Черный шаман впал в депрессию. Его биополевая суперэнергетика стала угасать. И теперь он не представлял собой ничего интересного, разве только как образец человеческого уродства.

Три дня назад он привычно заорал:

– Крови мне! Крови, крови, крови... Или придет час мщения! Придет черный погонщик!

К этим его выкрутасам персонал привык. Все знали, что для его ритуалов необходима кровь, притом человека, лично убитого Черным шаманом. Пару раз проводили эксперименты – военные использовали приговоренных к казни преступников, чью кровь колдун жадно высасывал, но без видимого эффекта. Во время обострения отношений между Пентагоном и ФБР последние направили информацию о нечеловечных экспериментах в сенатскую комиссию. Возник скандал, его замяли, но больше никому неохота было так экспериментировать.

Не получив крови, Черный шаман уселся на пол, смотря перед собой. Потом неожиданно на две минуты все сенсоры в его боксе, а также в прилегающих были выведены из строя. Персонал метался минут пять, пытаясь восстановить контрольсистемы. Причина аварии осталась неизвестной. Но когда на экране появился вновь Черный шаман, он был в состоянии ступора,

лежал кверху пузом с открытыми глазами, в которых не отражалось ничего, и лишь слабое дыхание говорило о том, что он не умер.

– Ночью он на миг пришел в себя, – сказал Утконос.

– И что?

– Опять прохрипел: «Крови мне!» И затих...

Два года Черный шаман находился в спецотделении. Док Сэм продолжал держать его в боксе высокой защиты. Знал, что может прийти час, когда спящая сила проснется и тогда всем будет несладко.

– Стоп! Не переключай! – Док Сэм подался вперед, заметив, что туша Черного Шамана шевельнулась, по ней прошла дрожь, складки жира затряслись.

– Ох! – вскрикнул Утконос.

Диаграммы контрольных приборов перед ним вдруг взорвались. Посыпались красные кубики, прорезаемые синими молниями. Аппаратура будто взбесилась.

Но она была в порядке. Эти символы означали одно – в боксе восемь, где был Черный шаман, происходит невероятный выброс биоэнергии...

– Энергослияние четырех штурмовиков типа «Торнадо», – сообщил комп, в его голосе появились нотки тревоги и озабоченности. Ничего удивительного – он запрограммирован на выражение эмоций.

На экранах четыре штурмовика зависли квадратом, между ними протянулись световые линии, и вскоре вырос гигантский мерцающий «пузырь». Это означало, что поля штурмовиков слились воедино, и теперь будет происходить пробой защитного покрывала космического госпиталя.

– Напряженность единого поля противника? – потребовал Сомов.

– Семьдесят пять тысяч радеров, – доложил компьютер.

Сомов похолодел. Штурмовики класса «Торнадо» как раз приспособлены для взламывания защитных покрывал оборонительных комплексов.

– Как долго мы продержимся? – спросил госпитальер.

– Расчетное время прорыва – сто двадцать минут.

– Вот черт... Три восьмерки!

Три восьмерки – галактический код, означающий пиратское нападение. Любой военный или полицейский корабль, принявший его, обязан поспешить на помощь. Но двух часов, которые оставались у них, не хватит на то, чтобы помощь пришла.

– Передано, – заявил комп. – Карта новой навигационной информации. Ближайший от нас корабль – пассажирский лайнер «Парус» – находится в сорока четырех часах пути.

– Непостижимо! – Сомов хлопнул ладонью по подлокотнику кресла, и ему захотелось взвыть.

– Осмелюсь заметить, что вам следует проверить свое самочувствие и адекватность ситуативных реакций на «Диагност-комплексе», – участливо заявил комп.

– Что?! – воскликнул Сомов. – Заткнись!

– Исполнено.

Сомов активизировал перед собой СТ-пульта и принялся за работу.

Он не был военным, но не обязательно оканчивать военную академию, чтобы пользоваться полностью компьютеризированным оборонным комплексом.

Два часа он мог быть спокоен. Это время штурмовики будут дырявить силовое покрывало госпиталя, в то время как оборонные системы лишены возможности нанести по ним удар, поскольку отделены от противника своим же полем.

Время позабавиться просчитыванием возможных вариантов у госпитальера имелось. Уже через полчаса работы с компом он понял, что шансов у него нет. При самом благоприятном раскладе противник теряет три штурмовика, разносит лучевыми и ракетными ударами сооружения защиткомплекса. И берет госпиталь на абордаж. А потом?

Что потом? Кому мог понадобиться самый мирный объект Галактики? Кто мог кинуть на него звено штурмовиков «Торнадо»? После того, как была разгромлена последняя обитель черных ученых и пиратов Харлей-два, вряд ли какая-нибудь пиратская планета, если она еще есть, способна выставить звено «Торнадо». Это под силу только высокоразвитому миру первой линии. И такое нападение равнозначно объявлению войны.

Штурмовики продолжали свое дело. Они вклинивались все дальше в оборону госпиталя. А напряжение силового покрывала оборонительной системы все падало и падало.

Сомов прикрыл глаза. Стояла тишина. Казалось, не происходит ничего. Он представить себе не мог, что вскоре на территорию госпиталя ступят убийцы. И ничего нельзя изменить.

Минуты бездействия были самыми жуткими. Ожидание парализовывало.

А штурмовики вгрызались все глубже и глубже в защитпокрывало, как оголодавшие крысы. А таймер, заведенный компьютером и висящий перед носом Сомова, показывал, сколько осталось. Сотни больных людей, судьба уникального оборудования, сам госпиталь – возможно, часы отсчитывали, может быть, сколько осталось им существовать. И самому Сомову погибать тоже никак не хотелось. Но...

Таймер кончил отражать минуты. Пошли секунды.

– Защитный комплекс прорван, – буднично сообщил комп и добавил: – Черт побери.

Скрестились гибельные, наполненные огромной энергией лучи штурмовиков и двух охранных башен.

Полыхнули плазменные разрывы. Сомов зажмурил глаза, а когда открыл их, увидел, что одного штурмовика и двух башен нет.

Корабли прорвали первый рубеж обороны и неторопливо двинулись вперед. Им предстояло уничтожить еще четыре башни.

От штурмовиков отделились светлые точки пробойных ракет. Опять полыхнуло пламя. Еще одна башня уничтожена.

– Спаси нас господи! – Сомов истово перекрестился и стал ждать конца.

Командный пункт трянуло так, что у госпитальера лязгнули зубы. Ракета взорвалась в районе блока интенсивной терапии.

– О, Боже мой! – застонал Сомов.

От штурмовика оторвалась еще одна ракета и рванулась к административному блоку. Госпитальер зажмурился. Он понял, что пришла его смерть. Она имела вид неумолимо надвигающейся ракеты-пробойника...

– Триста единиц! – как ужаленный заорал Утконос, теряя свое знаменитое самообладание.

– Триста, – неожиданно спокойно кивнул Док Сэм.

В боксе, где был помещен Черный шаман, взорвался сгусток биоэнергии величиной с солнце.

А потом...

Помещение бокса будто пошло рябью. Плавные линии сместились и приобрели угловатые очертания, тогда как углы стали округлыми и мягкими. Предметы стали другими, не менее реальными, но в них что-то сдвинулось. Возникло фиолетовое свечение.

– Дьявола ему в глотку! – вдруг прокричал Утконос непонятно из каких глубин подсознания всплывшее ругательство. На глазах корежились и мялись диски и сетка диагностического оборудования. Будто кто-то невидимый, но невероятно мощный, закручивал крепкие металлические предметы и хрустел, как леденцами, ал-мазочеромакой.

– Комп! Нейтрализаторы! – спокойно приказал Док Сэм. – На тридцать процентов.

На бокс высшей защиты в тот же миг накинута силовой защитный колпак по типу тех, которые имеются в боевых космолетах и предохраняют их от ударов противника. Но полной уверенности, что силовой колпак сдержит загадочную силу, не было.

Однако смерч не вышел за пределы бокса.

Осколками разлетелся диагност. Потом рванул гранатой биопотенциометр.

Шторм все рос.

– Сорок процентов нейтрализации! – приказал Док Сэм, когда с треском лопнула СТ-камера в коридоре рядом с боксом Черного шамана, и по потолку в пластике, выдерживающем броневой удар, поползли трещины.

Поле нейтрализации включилось на сорок процентов. Рвущаяся наружу таинственная сила была снова заперта в боксе.

Через минуту рванул СТ-визор в соседнем с боксом помещении.

– Шестидесят процентов нейтрализации! – все так же спокойно приказал Док Сэм, тогда как Утконос готов был забиться в истерику.

И опять силу удержали в боксе. Она дожевывала аппаратуру, кусками сдирала силоэластик, который свисал лохмотьями со стен и потолков. А в центре этого буйства стихии спокойно лежал на полу Черный шаман, и на его лице было написано мировое спокойствие.

Хрясь – через комнату от бокса свилось в узел пластиковое кресло. Сила опять пробила.

– Семьдесят процентов мощности! – приказал Док Сэм, прищурившись.

Теоретически поле нейтрализации можно догнать до ста. Но что тогда? Тогда поле может вырваться из-под контроля само, и уж оно-то сметет весь корпус. Кроме того, оно потребляет огромное количество энергии. Уже выключены системы жизнеобеспечения в остальных секциях. Если главная и резервная энергоустановки полетят, люди просто задохнутся в умершей подводной станции, которой и являлся спецсектор.

Бац – на восемь частей развалился диагност, расположенный в соседнем помещении.

– Док, что это?! – взвизгнул Утконос, скосив глаза. По стене «штаба» ползла трещина. Таинственная сила добралась и сюда.

– Семьдесят пять процентов мощности нейтрализатора! – приказал Док Сэм.

Он поклялся не надбавлять больше ни одного процента. Будь что будет.

Хрясь – разлетелся на две части кожух компьютера, вырвался из его недр, вспыхнул и погас лазерный луч.

– Повреждения компьютерной сети – одиннадцать процентов. Подключаю резервные ячейки, – уведомил компьютер.

– Ну же! – взмолился Док Сэм.

И вдруг все кончилось...

Бокс, в котором был Черный шаман, приобрел нормальный вид. Если не считать, что там все было разгромлено. Узор диаграмм перед пультом стал нормальным. Все было тихо.

– Какой идиот засунул человекобому к нам в клинику? – покачал головой Док Сэм.

Он встал и подошел к стене. Часть стены провалилась, открыв несколько доспехов скафов высокой защиты.

Док Сэм выбрал «Викинг» – самый серьезный из имеющихся.

– Комп «Викинга». Облачение! – приказал он. Как разрезанное яблоко скаф раскрылся, и Док Сэм шагнул внутрь.

– Закрыть! – приказал он. «Викинг» сомкнулся.

– Рабочий режим, – произнес Док Сэм. Запели намертво соединяемые швы, зашуршал внутри воздух кондиционера, активизировались системы автономного жизнеобеспечения. Все, теперь можно было лезть хоть в жерло действующего вулкана.

– Следи за мной. Если что – включай поле нейтрализации, – приказал Док Сэм помощнику, выглядевшему побитым и несчастным...

Док Сэм прошел к тяжелым дверям бокса высокой защиты и приказал:

– Открыть!

Пробой-ракета, взорвавшись, начала распадаться на смертоносные куски, летящие с огромной скоростью.

Вот только взорвалась она, не долетев до административного блока. Разрядник защитного комплекса срубил ее. А несущиеся с огромной скоростью осколки были отброшены силовым полем.

– Уф-ф, – перевел дыхание Сомов. Судьба подарила ему еще несколько минут жизни.

Между тем штурмовики продвинулись еще немного.

Вспышка. Один из них сошел с траектории и завертелся. Но еще одна башня защитного комплекса разлетелась на куски.

– Вот тут они нас и уделают, – прошептал Сомов.

– Сообщаю, что ваше сердцебиение и вегетативные реакции вышли за допустимую норму, – сообщил комп. – Рекомендую прибегнуть к помощи мини-гиппократа.

– Что?! – заорал Сомов. – Ты рехнулся?

– Вы имеете шанс заболеть! – гнул свое комп.

– Железяка, – покачал головой Сомов, жалея, что нет у компа шеи, чтобы дать по ней хорошенько.

– Всплеск, характерный для конечной точки перехода, – сообщил комп. – Три единицы. Даю увеличение. В секторе восемьдесят два вздулись три облачка.

– Идентификация, – потребовал госпитальер.

– Идентификационный код не послан. Даю запрос. Еще трое пиратов, подумал госпитальер. Впрочем, это уже роли не играет.

Защитный кокон перехода спал с новых пришельцев. И Сомов подался вперед.

Очертания новых кораблей были незнакомы. Они походили на связки хвороста, меняющие свой цвет.

– Это что за фиговина? – спросил госпитальер.

– Аналогов в Большом Корабельном Реестре не найдено, – сообщил комп.

Новое дело. Может быть, вообще неизвестная цивилизация. В центр каких событий попал космический госпиталь? Что творится?

Между тем три новых корабля выстроились в атакующий порядок и ринулись на штурмовики.

Пилоты штурмовиков поняли, что все пошло прахом. Они развернулись и, набирая скорость, стали уходить от госпиталя. Два же из вновь прибывших звездолетов совершали невероятные кульбиты. Их гравикомпенсаторы должны были перегреться.

Сошлись лучи, и защитное поле штурмовика лопнуло мыльным пузырем. Боевая ракета взломала его корпус, и штурмовик раскололся. Два других «Торнадо» сумели скоординироваться и врезали разрядниками по одному из противников. «Связка хвороста» вильнула, защитное поле прогнулось, брызнули куски обшивки. Но звездолет выровнял положение, сде-

лал вираж, вошел в резонанс с тремя своими собратями, и еще один штурмовик превратился в разлетающиеся частички оплавленного металла.

– Так их! – хлопнул по колену госпитальер.

– Адреналин в вашей крови, – занудил комп, – превышает норму на...

– Заглохни!

Последний штурмовик ринулся вперед.

Неожиданные спасители начали преследование. Но даже обладая видимыми преимуществами в скорости и боевых качествах, они не успели. Через восемь минут штурмовик вышел в надпространство, а, как известно, преследование в надпространстве невозможно.

– Ну и что ты на это скажешь? – осведомился Сомов, глядя на барражирующие на границе защитного комплекса госпиталя три неизвестных корабля.

– Исходной информации недостает. Могу предложить ряд гипотез.

– Ну предлежи.

– Из шестисот восьмидесяти гипотез наиболее вероятными являются...

– Отбой, – кинул Сомов, который вовсе не жаждал выслушивать шестьсот восемьдесят версий случившегося.

Сомов откинулся в кресле и начал напряженно ждать. Он понимал, что ничего не закончено.

– Неизвестный корабль вошел в контакт, – сообщил комп.

– Идентификация?

– Код космических сил Московии. Допуск – единица. Напоминаю, что суда, обладающие допуском единица, проходящим в секретном навигационном каталоге, имеют право на беспрепятственный проход к нашему объекту.

– Без тебя знаю.

– Полномочия подтверждены.

– А это не новые пираты?

– Подделка допуска единица исключена.

– Давай заход.

Госпитальер прошел к шлюзу, к которому пришвартовалась одна из «вязанок хвороста». Двери шлюза привычно рассыпались на осколки, и навстречу Сомову шагнул высоченный мужчина в комбинезоне Военно-Космических Сил Московии. На груди его сияла объемная звезда, говорящая о звании ее обладателя.

– Полковник Степанов, – кивнул космонавт.

– Сомов, – госпитальер протянул руку. Полковник пожал ее аккуратно, будто боясь сломать неверным движением.

– Пройдемте в командный блок, – тоном, не терпящим возражений, произнес он. – Там обговорим все вопросы.

Устроившись на выросшем из пола кресле, полковник озадаченно выслушал отчет о происшедшем.

– Что все это может значить? – спросил он.

– Я хотел бы задать этот вопрос вам.

– Звено штурмовиков «Торнадо»... Это очень серьезно. Вы понимаете, чем это грозит?

– Сюда нагрянет целый полк дипломатов и агентов спецслужб.

Полковник задумался. Потом сказал:

– Вам повезло, что мы производили плановые облеты недалеко от госпиталя. Если бы не мы, они бы смяли вашу защиту... Теперь вот что. Вы невольно коснулись информации особого грифа секретности. И стали свидетелем боевых действий еще не прошедшей испытаний техники нового поколения. Стоит напоминать, что вы обязаны держать язык за зубами? Статья уголовного свода о государственной тайне, думаю, вам знакома.

– Знакома.

– Я изымаю все имеющиеся записи, относящиеся к бою и нашей технике.

– Что же поделаешь.

– Я связался с командованием. Пока не придут корабли для охраны госпиталя, мы будем находиться в пределах досягаемости.

– Спасибо.

Полковник со знанием дела вывел из информационных банков последнюю соринку информации, касающуюся произошедших событий. И «вязанка хвороста» отчалила от приемного узла.

А госпитальер занялся подсчетом убытков. Слава Богу, из пациентов никто не пострадал. Из башен защитного комплекса целой осталась только одна. Блок интенсивной терапии поврежден на шестьдесят процентов. Это счастливый случай, что он был пуст...

Через одиннадцать часов из надпространства вынырнули три эсминца Военно-Космических сил Московии.

Сомову стало грустно. Все, нет теперь взлелеянного им одиночества. А будет суета, допросы, столпотворение. И тысяча забот о восстановлении порушенных систем госпиталя.

– Будто и не было ничего, – сказал Док Сэм, приближаясь к Черному шаману.

– Все показатели в норме. Биоэнергетический потенциал среднестатистический, – доложил Утконос.

– Без вас знаю, – сказал Док Сэм, державший перед собой переносной биоэнергодиагност. Стационарная машина была скручена гигантской силой и искореженная валялась в углу.

Док Сэм носком башмака скафандра ткнул тушу, теперь не парящую в силовых линиях, а лежащую на полу. Черный шаман не отреагировал.

– Утконос, вам не напоминает это случаи с «фокусниками»? – осведомился Док Сэм.

– Напоминает. Но не более того. У «фокусников» – спонтанный и не слишком сильный полтергейст. Здесь же – невероятный, сокрушительный напор.

– Это вопрос количества, но не качества.

– Не знаю, – замялся Утконос.

– Я знаю, что вы не знаете. Необязательно напоминать мне об этом! – взвизгнул Док Сэм.

Критическая ситуация прошла. Теперь спокойствие оставило Дока Сэма, и снова его психика стала привычно взрывной, реакции бурными и неадекватными.

– «Фокусники»! Я говорю вам – это одно и то же! – еще громче заорал он.

«Фокусники» начали поступать в отделение месяц назад. Док Сэм, занимавшийся аномальными возможностями психики и вообще аномальными явлениями не первый десяток лет, не видел раньше ничего подобного. Конечно, дело не в том, что поступали пациенты с непродуктивным бредом, несшие околесицу, из которой нельзя было найти ни одного зернышка истины – к бредоподобным фантазиям психиатры привыкли. Потрясало кое-что другое.

– Скаф, перчатку снять, – приказал Док Сэм.

Перчатка «Викинга» расплзлась.

Док Сэм нагнулся над шаманом, пощупал мягкое тело.

– Тепленький, – хмыкнул он. – Спокойный.

Он еще раз посмотрел на компактдиагност.

Направил яркий луч фонарика в зрачок негра. Никакой реакции.

– Как в коме, – пожал плечами Док Сэм. – Но это нечто иное.

Он обернулся и вышел из блока.

Он не мог видеть, как неожиданно Черный шаман скосил глаз, и в нем плескалась темная мутная злоба...

В зале дежурной смены АБК (автономного боевого комплекса) внешнего оборонительного кольца Черномории – курортной планеты Московитянской Федерации – было тихо. В своих контактных креслах, отделенных от остального помещения звуконепроницаемыми пластиковыми пузырями, которые при разрушении станции превращались в автономные космоблоки, сидели в обручах компсвязи на головах операторы-поисковики пограничной службы. Каждый из них контролировал свой сектор космического пространства. У каждого перед глазами был сложный, но привычный узор. В принципе, это занятие можно было полностью поручить компьютерам, но многолетняя практика показывала, что система человек-компьютер намного эффективней. Комп идеальны счетчик, но об их интуиции можно говорить только с усмешкой. Для хорошего оператора оборонительной системы или для пилота боевого космолета быть интуитивистом – это вопрос профессиональной пригодности. Человеческое подсолзнание срабатывает более верно и быстро, чем любой мыслимый компьютер.

АБК был создан пятьдесят шесть лет назад, когда «холодная война» между Московитянской Федерацией и Объединением Планет Аризоны достигла апогея. Создание внешних оборонительных колец планет Московии влетело в большую копеечку. В системе звезды А-557, вокруг которой вращалась Черномория, было пятнадцать автономных боевых комплексов, прикрывавших пространство в радиусе, превышающем дальность боевого удара по планете. Ни один вражеский крейсер не мог пробиться через кольцо к охраняемой планете.

За полвека АБК несколько раз переоборудовали и переоснащали, и это тоже стоило немало. Но те, кто пренебрегает технологической военной гонкой, однажды обнаруживают, что потенциальный противник может сделать с ними что угодно. Подавляющее военное превосходство – это слишком большой искус нанесения превентивного удара. Поэтому огромные ресурсы Федерации оттягивались на гонку вооружений, которая брала начало еще со старой Земли, где существовали предки Аризоны и Московии – США и СССР.

В последний раз АБК переоснащали год назад. Тогда чувствительность сканирующей аппаратуры была повышена чуть ли не на порядок. Специалисты-операторы недоумевали. Они знали, насколько тяжело дается даже небольшое увеличение характеристик принимающих устройств. А такой взрывной рост не укладывался в сознании. Ходили слухи, что московитяне получили доступ к каким-то загадочным инопланетным технологиям. Чуть ли не к технологиям мифических приоров – древней расы, покинувшей Галактику задолго до появления человечества. Была ли в этом доля истины – офицеры могли только гадать.

Как бы то ни было, зона контроля пограничной службы вокруг планет Московии сразу расширилась в несколько раз. По идее, нет оружия, способного достать планету на таком расстоянии. Но у командования были какие-то свои соображения. Два года назад была темная история, когда вышедший из-под контроля своих же руководителей аризонский разведчик попытался атаковать московитянскую планету Степь неизвестным оружием огромного радиуса действия. Попытка тогда была предотвращена. Но это не значит, что кто-то не повторит ее в будущем.

Капитан Галицкий сперва ощутил укол беспокойства. Пару минут он пытался осознать, что заставило его заволноваться. Какой-то диссонанс в узоре поступающих данных – настолько незначительный, что не был замечен компом, но был замечен человеком. И наконец капитан определил пространственный куб, который его насторожил.

– «Зеленый-678\655», все сканирующие устройства на него, – приказал он.

Резервные системы и станции контроля переключились на указанный квадрат.

Подполковник Тимофеев сразу подключился к ситуации.

– Там что-то есть, – уверенно сказал капитан.

– Наши сканеры должны были зафиксировать объект, какой бы маскировкой он ни обладал, – сказал полковник.

– Но не зафиксировали... Что бы это ни было, эта штука пока не в зоне поражения, – произнес капитан.

Офицерам стало не по себе. Они знали, что даже самые лучшие разведчики аризонцев, способные обмануть старые сканеры, не в состоянии противостоять новым системам обнаружения. Значит, кто это? Неужели чужак? Представитель загадочных цивилизаций, о которых ходили легенды не одну сотню лет? В глубине души каждый человек надеялся повстречать их. Но пока выходило так, что человечество являлось самой технологически развитой расой Галактики. От некогда могущественных цивилизаций древности, ушедших в никуда, остались только следы. Как от тех же приоров. Ну а это кто?

В кубе начал слабо проступать силуэт какого-то объекта.

– Седьмое звено, старт! – отдал приказ подполковник командиру звена средних космоперехватчиков КЛ-96М. Оно находилось ближе других к искомому квадрату.

По мере приближения перехватчиков загадочный объект прорисовывался все четче.

– При попытке сопротивления или ухода в надпространство приказываю атаковать, – сказал подполковник.

Он не мог рисковать. Если это корабль противника, то он мог насосаться вдоволь информации о новой оборонительной системе Московии.

Наконец возник четкий силуэт. Плоский остроносый корабль размером с легкий разведчик. На запросы он не отвечал. На требования не реагировал. Попыток атаки или ухода в надпространство не предпринимал.

– Борт восемнадцать, – приказал полковник. – Стыковка с нарушителем. Остальные – страховка.

На лбу у подполковника выступили капельки пота. Бывалый вояка, он знал, насколько напряженный сейчас момент. Пилот, берущий незнакомца на абордаж, сильно рискует. Борт восемнадцать – это истребитель «Клен», единственный в звене, который помимо двух пилотов несет трех человек досмотровой группы.

В глубинах экранов напозла черная масса неизвестного корабля. «Клен» окутал незнакомца силовым полем и начал сближение. Звякнули присоски – два корабля соприкоснулись и прилипли друг к другу.

– Это аризонский корабль! – воскликнул второй пилот «Клена». – Никаких признаков жизни. Мне кажется, он терпит бедствие.

– Вы сможете войти в контакт с бортовым компом и открыть люк? – осведомился полковник.

– Со стандартным кодом допуска? Попытаюсь, – сказал пилот.

Код допуска – один из наиболее охраняемых секретов любого военного космофлота, но он был похищен московитянской разведкой, о чем аризонцам не было известно. При соприкосновении с кораблем противника он позволял «договориться» с его компом на предмет открытия доступа внутрь. Код допуска предназначался для спасательных операций, когда экипаж корабля выведен из строя.

Потянулись томительные минуты. И наконец люк отполз в сторону, открывая проход в шлюз.

Досмотровая группа из трех человек проникла внутрь.

– Тут творится что-то непонятное. Полный бедлам! – сообщил старший группы лейтенант Самойлов. – Будто Мамай прошел... – в голосе лейтенанта послышались нотки растерянности.

На экране монитора офицеры, находившиеся на АБК, могли разглядеть командный пункт звездолета, освещенного аварийной системой энергопитания. На командном пункте не осталось ни одного целого предмета. Все было перекручено и разбито, как будто какой-то великан бил и крушил все, что только попадалось под руку.

– Где экипаж? – спросил подполковник. Кресло капитана звездолета пустовало.

– Найдем, если он в космос не вышел погулять, – сообщил лейтенант. – Самое интересное, обшивка корабля с внешней стороны нисколько не пострадала. Зато внутри... Сами видели!

– Да, я видел.

Лейтенант нагнулся над компом. Тот был сильно поврежден, но уцелел и работал в режиме ожидания.

– Информации об экипаже нет, – сообщил лейтенант. – О том, что здесь произошло, – тоже. Коридор разгерметизирован. Так... Вот леший!

На экране появилось изображение крохотного коридорчика. Там лежали три тела. Без скафандров, так что сомнений в том, в каком состоянии они находятся, не было.

– Это же катафалк, а не корабль! – воскликнул сержант из группы.

– Придержите свое мнение при себе! – отрезал подполковник. – Осмотрите каюты.

– Видеокамеры там не работают.

– Осмотрите так. И будьте осторожны! Выставив перед собой разрядники, прикрывая друг друга, члены досмотровой группы пробежали по каютам.

– Стоять! Не двигаться! Стреляю! – крикнул лейтенант. Послышались звуки борьбы. Камеры на шлемах скафов выхватывали беспорядочные картины. Можно было понять, что бойцы пытаются повалить на пол человека.

Им это удалось.

– Здоров, черт! – воскликнул лейтенант.

На экране возникло изображение распластанного, со сцепленными эластооковыми руками и ногами человека в комбинезоне с нашивками майора. Судя по знакам отличия, это был капитан корабля. Глаза его были безумны...

Черный шаман больше не преподносил никаких сюрпризов. Он вновь висел черной тушей в силовых полях и не реагировал ни на какие внешние раздражители, хотя все приборы показывали, что его организм функционирует нормально. О том кошмаре, который был недавно, напоминала только приготовленная для утилизации изничтоженная дорогая аппаратура.

Несколько дней блок с пленником держали под пятипроцентным полем нейтрализации. Но такие чудовищные энергозатраты не могли продолжаться долго, и, скрепя сердце, Док Сэм отдал приказ снять энергозащиту. Чуткие приборы, ловившие каждое движение Черного шамана, каждый толчок его крови, готовы были при малейшей опасности активизировать защиту вновь.

В тот вечер Утконос вновь заступил на дежурство. В последнее время у него было неприятное чувство. Раньше работа не вызвала у него никаких особенных эмоций, он давно научился реагировать на чудеса и привык относиться ко всему равнодушно, но теперь каждое дежурство вызвало у него тошнотворный приступ страха. Он не мог забыть зрелища корешающейся аппаратуры в восьмом боксе. Не мог забыть того выплеска темных, загадочных сил, который произошел тогда.

И еще – ему казалось, что его сознания касаются щупальца осьминога. Какие то холодные, склизкие нити будто опутывали его.

Подобные ощущения возникали у него не первый раз. Он списывал на переутомление и ежедневное общение с сумасшедшими пациентами и с сумасшедшим руководителем Доком Сэмом.

Но в новое дежурство он вдруг осознал, что страхи куда-то пропали. И что на душе стало легко и весело. Он даже подумал, что его работа и жизнь не так плохи. Вместо того, чтобы забываться в угаре нейростимуляторов и новейших наркотиков и жить ради того, чтобы служить его величеству КАЙФУ, он занят важным интересным делом. Он – научник, а не какой-то поганый плоскун с городского дна или бездельник, проживающий бесполезную жизнь, стареющий и умирающий, оставив после себя несколько сопливых, тупых, обреченных на нейростимы и социальные вспомоществования детей. Отец у Утконоса был мелким бандитом-плоскуном. Дед был законченным наркоманом. Мать не вылезала с арен сенсорнаведения и садомазохистских комплексов. А он стал паучником.

Доктор насвистывал привязавшийся новый рекламный наркомотив, который убеждал людей в необходимости приобретения новых волновых эректоров. Песенка была еще более привязчивая, чем ария из рекламной оперы эротических духов-возбудителей «Лесбийские сны». Он вдруг приосанился, с гордостью осознав, каким важным делом занят. Он наблюдает за безопасностью спецотделения клиники Форбса, от него зависит здоровье и жизнь десятков пациентов. Как же он гордится этим! Если бы еще вчера трусливому цинику и мизантропу Утконосу сказали, что его посетят подобные мысли, он бы расхохотался. Такой стиль был явно не его. Но сейчас подобные мысли стали для него естественны. Они поднимались из глубин его существа и приятно ласкали сознание.

Он смотрел на Черного шамана, висящего над полом. Его Преосвященство Обезьяна! Не так уж он и плох. Это же чудо природы. Уникальное творение, если все, что про него говорят, правда.

Утконосу вдруг захотелось познакомиться с ним поближе. Он жалел, что не встретил это чудо, не смог изучать его, когда тот был в полноте сил. Но ведь еще не поздно.

– Потрясно! – прошептал он, чувствуя, как по его щеке катится слеза умиления.

Утконос готов был сказать больше – он любит Черного шамана! Он сочувствует ему! Ох, как жалко держать такого человека в том поганом боксе, где на него в любой момент могут обрушиться удары полей нейтрализации. Где он не может раскрыть миру свою истинную великую суть.

Нет, такое не должно продолжаться. Это противоестественно!

– Санитар-роботы, бригада пять, – воскликнул Утконос.

– Задание? – осведомился компьютер.

– Будет вам задание, – Утконос поерзал в командном кресле. Встряхнул головой, будто пытаюсь скинуть наваждение. Потом засмеялся, отшвырнув ненужный груз тревог и разочарований. Он легко шагнул навстречу светлым манящим горизонтам. – Пациента из восьмого блока в палату одиннадцать.

– Требую повторного подтверждения, – заявил комп. – Напоминаю, объект восемь пользуется первым приоритетом защиты. Из блока выводить разрешено только в случае крайней необходимости.

– Необходимость есть. Даю подтверждение.

– Принято. Бригада пять – к исполнению.

На экране, на котором демонстрировался восьмой блок высшей защиты, появились два пятируких андроида. Они погрузили тело Черного шамана на самодвижущуюся тележку, выкатили в коридор. Мягко засвистев, тележка приподнялась над магнитным полотном и заскользила вперед.

– Запрашиваю подтверждения на вывоз объекта, – снова заканючил комп.

– Подтверждаю вывоз объекта из восьмого блока! – радостно воскликнул Утконос.

Массивная дверь из титанокерамического сплава, отгораживающая сектор с боксами высшей защиты, ушла вниз. Силовые поля на миг выключились, пропуская тележку и санитаров-роботов.

Вскоре Черный шаман расположился на мягкой постели в одиннадцатой палате, где находились пациенты, подлежащие выписке. В истории отделения таких было не очень много, так что палата в основном пустовала.

– Сейчас, – Утконос возбужденно потер ладонями и поднялся. – Нейтрализация систем контроля в палате одиннадцать.

– Дайте подтверждение. Напоминаю, что в одиннадцатой палате находится объект, который... – завел старую песню комп.

– К исполнению! – прикрикнул Утконос.

Электронные уши и глаза в одиннадцатой палате закрылись.

Утконос вызвал СТ-пульт и несколько минут напрямую программировал комп. Потом, сладко улыбнувшись, поднялся, стряхнул невидимую пылинку со своего рукава и направился к одиннадцатой палате.

Черный шаман обездвиженно лежал на кровати. Его застывшие глаза безучастно пялились вверх.

Утконос сел около него.

Черный шаман медленно приподнялся и скрипуче произнес:

– Ты пришел, верный пес. Ты любишь меня... Утконос улыбнулся еще шире.

– Отдай мне свою силу, – прохрипел Черный шаман, и потянулся к доктору...

– Какое отношение это имеет к нам? – спросил оперативник управления нелегалов Министерства внешней информации Московии подполковник Сергей Филатов. – Это дело контрразведки.

– Скажем так, имеет отношение к одному из наших проектов, – мягко произнес начальник управления "Н" (нелегальной разведки) генерал второго ранга Шутихин.

– Мне нетрудно, – пожал Филатов плечами с таким видом, как бы говоря – чем бы ни заниматься, лишь бы ничем не заниматься.

Филатов откровенно скучал. Он был человеком действия. Он был создан для нелегальной работы. Он привык ходить по краю, менять личины и привычки, прорываться в святая святых противника и добывать ее, ту, которой служили, служат и будут служить многие и многие поколения разведчиков – информацию. Но засыпавшийся нелегал становится никому не нужным – он попадает в информбанки противника и без труда идентифицируется. Сергей умудрился вернуться после провала в Аризонию, да не просто вернуться, а попасть в сокровищницу наиболее охраняемых тайн – планету аризонских ученых Потомак, высосать оттуда всю возможную информацию и походя предотвратить галактическую войну, которую едва не спровоцировал Черный шаман.

После этого два года Филатов маялся дурью. Полгода на Бегундии – планете второй линии, недоразвитой, амбициозной и представляющей для Московии не слишком большой интерес. Еще принял участие в операции по обеспечению освобождения заложников и уничтожению базы террористов. Тут ему были все карты в руки. Коэффициент боеспособности у него был огромный, а кроме того опыт работы в лучших спецподразделениях за спиной, в том числе в легендарном отряде силового противодействия «Богатырь». Под его командой «богатыри» провели операцию по уничтожению энергетического центра оборонного комплекса обители пиратов Харлея-два – эта диверсия дала возможность Военно-Космическим Силам Московии

без труда преодолеть пояса обороны планеты и нанести пиратам сокрушительное поражение практически «бесплатно» – без потерь.

Уже почти год Филатов был мальчиком на побегушках при начальнике управления "Н" и выполнял различные поручения, типа этого – допросить капитана аризонского разведывательного корабля, обнаруженного в пределах охранного пояса Черномории.

С капитаном как раз закончили заниматься психиатры. Они привели его в относительный порядок, так что с ним можно было говорить. Его доставили с Черномории, и теперь он был под крылышком МБС – Министерства безопасности социума.

Капитан Демитрасс – офицер Центрального Разведывательного Управления Аризоны – был заточен в комфортабельном жилом блоке, уйти из которого было невозможно. За ним постоянно наблюдали врачи, охранники, психологи. Не так часто попадались в руки контрразведки такие птицы. Последний разведкорабль вероятного противника москвитяне задержали сорок пять лет назад.

Врачи наконец дали добро на допрос капитана, и Филатов был первым, кого удостоили такой чести.

Демитрасс был крупным, загорелым мужчиной. Похоже, в нем была частичка индейской крови.

Существует масса методик допроса. Химпрепараты типа «правдоискатель», гипносни-матели, стресс-контролеры. Но существует не меньше методик противодействия, которыми обязаны владеть сотрудники специальных служб. Поэтому поединок, именуемый допросом, сегодня так же сложен, как и сотни лет назад.

– Я отказываюсь говорить, – перво-наперво заявил капитан разведывательного корабля.

– А это разумно? – пожал плечами Филатов. – Вы должны понимать, что вас больше нет. Разведывательный корабль нового поколения исчез вместе с экипажем. Ваша семья получит денежное возмещение за мужа и отца – и все. Вас нет.

– Это неважно. Остается верность родине.

– О, это разговор долгий. Я, как человек, много лет проживший на Аризоне, считаю, что ваши теплые чувства имеют весьма зыбкие основания. Но это вопрос спорный.

– Вы жили на Аризоне? – удивился капитан и посмотрел на собеседника с явным подозрением. – У вас абсолютно чистый язык. И черты лица... Вы – перебежчик!

– Нет. Тут все сложнее, – усмехнулся Филатов. – Капитан, я не буду выпытывать у вас военные секреты. В конце концов ваш корабль у нас. Цель вашего вояжа понятна – прощупывание внешнего пояса обороны Московии. Вас бы никогда не нашли, но вы не учли одного – наши технологии обогнали ваши. Притом серьезно.

Капитан поморщился.

– Я не прав? – прищурился Филатов. – Новый разведчик – ваша надежда на создание корабля-невидимки, который современные сканеры не обнаружат никогда. А потом – армада кораблей-невидимок, как нож сквозь масло проходящих через внешние оборонительные кольца. Заманчиво... Но все лопнуло.

Капитан вздохнул и потянулся к стоящему на столике бокалу с соком из клубничного лука.

– И вы не выполнили долг – не ликвидировали корабль, когда потерпели аварию.

– Я не мог, – капитан сделал жадный глоток.

– Вот именно. Об этом я и хочу переговорить. Что произошло на борту? Вряд ли это военная тайна.

– А! – махнул рукой Демитрасс. Помолчал какое-то время и, не дождавшись новых вопросов, заговорил: – Вы правы – тут все и так ясно. Задача разведвылета – проникнуть за первую линию вашей оборонительной сферы. Считка частотных характеристик противоракетного оборудования. Дислокация АБК... Мы почти подобралась к цели. Я был уверен, что зада-

ние безопасно. Засечь «Парящую лису» – для этого нужна чувствительность систем на порядок выше имеющихся – а в ближайшие десятилетия это нереально... Как я считал.

– Аризона опять села в лужу, недооценив противника.

– Может быть... Мы подбирались к исходной точке, когда началось это. Сперва я подумал, что мы имеем дело с вашей техникой. Какое-то новое оружие... Но нет, такого просто не могло быть... Началось с того, что у второго пилота появились странности. Он нес вахту, и когда я его застал, взгляд у него был не от мира сего. «Джек, – сказал я ему, – ты неважно выглядишь». Мне нужно было его сразу сменить. Но он встряхнул головой и вновь стал тем же самым Джеком Гроусом, самым хладнокровным человеком, которого я встречал. Я ушел. А через полчаса началась чертовщина.

Капитан замолчал и вытер ладонью пот на щеке, поморщился.

– Продолжайте, – потребовал Филатов.

– Я отдыхал в каюте, когда на экране возникло лицо Джека. В нем не было ничего человеческого. Оно было безумным.

Капитан опять замолчал.

– И второй пилот уничтожил корабль? – осведомился Филатов.

– Да... Нет... Не знаю... Понимаете, все вещи пришли в движение. Какая-то сила обрушилась на нас. Разлеталась вдребезги аппаратура, скручивались силовые кабели. Даже вырвавшийся на свободу лазерный луч из поврежденного компблока вел себя как-то не так – он струился, а не бил огненной стрелой – такого я никогда не видел. Вещи зажали своей жизнью. Они перестали подчиняться нам. Это был бунт неживой материи.

– Сколько это длилось?

– Минут десять. В моей каюте были заблокированы двери. Я отдал приказ оставшимся двоим членам экипажа проникнуть на мостик и навести там порядок. Вытащить оттуда Джека. Если надо, пристрелить. Они шагнули в коридор. Джек шагнул им навстречу. Все были без скафов. Коридор разгерметизировался.

– Почему?

– Джек задал такую команду компьютеру.

– Он покончил жизнь самоубийством?

– И убил двух членов экипажа.

– Но что с ним случилось на мостике?

– Я не знаю. Но...

– Что вы замолчали?

– Когда Джек появился в последний раз на экране... Он произнес одно единственное слово.

– Какое слово?

– Гость...

– Дайте мне пистолет. Я кого-нибудь пристрелю! – прошипел Док Сэм.

Все знали, что когда глава специального отделения находится в таком состоянии, от него лучше прятать подальше не только пистолеты, но и любые колюще-режущие предметы.

Впрочем, Дока Сэма можно было понять. Такого еще в спецотделении не случилось. Такое невозможно было представить себе даже в кошмаре.

Док Сэм нагнулся над телом Утконоса, лежащим на кровати в одиннадцатой палате.

– Он перевел Его Преосвященство Обезьяну в одиннадцатую палату, дезактивировал контрольсистемы и открыл доступ к амфибии на пятом причале, – сказал начальник охраны.

– Я всегда считал Утконоса легкомысленным человеком, – неожиданно спокойно произнес Док Сэм.

– Перед тем, как уйти, негр выпил его кровь, – начальник охраны, бывалый вояка, прошедший не через один военный конфликт на планетах второй линии, был поражен увиденным. Горло несчастного Утконоса будто рвали зубами. – Он что, вампир?

– Он Черный шаман, майор. Ему нужны поклонение и Сила.

– Сила?

– Чужая кровь, – Док Сэм похлопал труп по плечу. – Ты разочаровал меня, Утконос! – он обернулся к начальнику охраны. – Какие шансы у Его Преосвященства Обезьяны скрыться от нас на планете?

– Никаких, – бодро воскликнул начальник охраны. – Человеку с такой внешностью долго не пробыть на планете. Мы вычислим его быстрее, чем...

– Чем он напьется еще крови?.. Учтите, что выйти из блока высокой защиты у него тоже не было никаких шансов...

Глайдер приземлился на посадочной площадке управления "Н" Министерства внешней информации. Управление занимало кусок суши в тридцати километрах от Санкт-Петербурга.

Филатов прошел в выполненное в викторианском стиле здание. В приемной начальника управления он поздоровался с майором в армейской форме – бессменным адъютантом Шутихина. На лице адъютанта выражались только такие чувства, которые были необходимы. Сейчас он нацепил сдержанно-приветливую улыбку.

– Генерал ждет вас, – произнес он.

Филатов шагнул в переливающуюся зеленым, красным и синим цветами дверь, которая при прикосновении к ней рассыпалась, распалась на красивые, вспыхнувшие всеми цветами радуги осколки, но тут же восстановилась за спиной. При попытке проникновения нежелательного посетителя она могла бы стать преградой, которую не возьмешь и из плазмодобойника.

Филатов очутился на лунной поверхности. Раз в месяц Шутихин менял интерьер. Сегодня это была луна старой Земли. Вокруг возвышались стены кратера, в полусотне метрах в грунт вросла «Луна-9» – первая русская станция, коснувшаяся поверхности спутника Земли. Мебель выростала прямо из камней.

– Товарищ генерал, – произнес Филатов.

– Садись, Сергей. Без церемоний.

Филатов сел на каменный куб, оказавшийся мягким пневмокреслом.

– Что узнал у капитана «Парящей лисы»?

– Он нес полную околесицу. Вот запись, – Филатов протянул информпакет.

– Изложи в двух словах, – потребовал Шутихин.

Филатов поведал о разговоре. Генерал слушал внимательно. Услышав о том, что перед смертью пилот говорил о госте, Шутихин произнес:

– Очень интересно.

Филатов закончил рассказ и пожал плечами:

– Какое это имеет отношение к нам?

– Прямое, подполковник. Самое прямое... В Галактике творится что-то странное. И у нас, и у аризонцев. «Фокусники» – так их прозвали.

– Кого?

– Людей, поступающих в спецотделение клиники

Форбса.

– Центр аризонцев по исследованию аномальных явлений в психологии и психиатрии?

- Точно.
 - И кто такие эти «фокусники»?
 - Долгий разговор... В клинике Фобса чрезвычайное происшествие.
 - Док Сэм окончательно свихнулся? – усмехнулся Филатов.
 - Нет. Сбежал главный экспонат. Ты его хорошо знаешь.
 - Кто?
 - Черный шаман. Он находился там.
 - Господи, – покачал головой Филатов. – Он опять на воле!
 - Да... Агентурные донесения скупые, Проблема мне неясна. Но нужно разбираться. Речь о реальной угрозе.
 - То есть?
 - Мне кажется, тут тень Чужаков.
- Филатов внимательно посмотрел на начальника.
- Вот, – генерал вытащил полоску информпакета. – Ознакомься. Доложи свои соображения и примерный расчет сил. Ты – старший по направлению.
 - Ясно, – с замиранием сердца Филатов взял информпакет. Загадочные Чужаки – представители неизвестной цивилизации. Подобное могло взбудоражить кого угодно...

Законопослушный гражданин Объединения планет Аризоны мистер Форст совершал привычный вечерний моцион, прогуливаясь вдоль охранного периметра небольшого поселка Олимп (аризонцы испокон веков любят громкие названия) на юге курортной планеты Монтана. Это вошло у него в привычку. Но не сразу. Сначала подобные прогулки были скорее необходимостью, определенной работой. Многие годы, проведенные на службе в Управлении перспективных линий ЦРУ, длинная череда специальных акций, диверсии, в которых участвовал офицер по кличке Динозавр, приучили его не доверять никому и ничему. Именно поэтому каждый вечер он отправлялся проверять, как функционирует система электронных сторожей и различных ловушек, установленных для пресечения любой попытки проникновения на территорию поселка чужаков. А их немало бродило в здешних окрестностях.

В Олимпе жили приличные люди, которым осточертели сумасшедшая архитектура и буйные страсти Нью-Тауна и других крупных городов, которые устали от мира нейростимуляторов, сенсорнаркотиков, массовых наркозрелищ и прочих красот давно и окончательно сошедшей с ума Аризоны. Отставные чиновники, бывшие ученые, пенсионеры – они не хотели видеть никого, ну разве изредка перекинуться парой словечек со своими соседями и похвастаться каким-нибудь творением своих рук. Бывший полковник космических сил Дженингс, чей дом раскинулся за лесополосой, вырезал из дерева буддийские скульптуры – к ним он прикипел душой во время карательных акций на желтых планетах второй линии. Профессор Мортимер, бывший сотрудник института нестандартной физики, уже третий год почти не выходил из дома, доказывая с помощью математических выкладок, что человечество само формирует законы природы, а не наоборот. Его коллеги объявили его психом, он удостоился почетного звания «Шизик года» на СТ-видении за прошлый год, майки с его СТ-портретом, а также говорящие наклейки с его голосом пользовались огромной популярностью у обывателей целых три недели. Содержательница известного в Нью-Тауне борделя «Мечта садиста» мисс Паркинсон тоже отошла от дел. Она теперь выращивала экзотические бананы и втянула в это занятие Динозавра. Тот за два года достиг в этом деле определенных успехов. Действительно, трудно поверить в то, что двухметровый оранжевый горький шланг является не чем иным, как бананом. Но таких новинок в оранжерее у Динозавра было полно. Благо созревали некоторые сорта на микропальмах быстро – за пару недель.

Динозавр возложил на себя ответственность за системы безопасности Олимпа, обговорив это в договоре с общиной поселка, за что получал небольшую плату. Он действительно знал толк в охранной аппаратуре. До его появления время от времени за периметр прорывались незваные гости. Развлекающиеся плоскуны учинили погром в оранжерее мисс Паркинсон. Сенсорнаркоман умудрился залезть на двадцатиметровую вершину дерева и впасть там в нарकोкому, его снимали при помощи глайдера. Голоноудисты вели себя смиренно, просто демонстрировали не только свои обнаженные тела, но и голограммы своих внутренних органов. А бандиты похитили дрессированную ядовитую ящерицу у отставного полковника. Динозавр навел порядок с охранной аппаратурой. А однажды разделался с бандой почитателей стеклянного «Кретинрока», впавших неделю назад после очередного концерта Райана Вонючей Кучки в активный психопровал – они были полностью во власти одолевших душу ритмов, вместе с тем действовали, не понимая: как, зачем, но внешне вполне осмысленно. Они украли полицейский транспортер-пробойник, предназначенный для преодоления таких вот систем безопасности. Разделался с ними Динозавр голыми руками, без применения оружия, хотя это и казалось невероятным – во-первых, «кретинрокеров» было девять, а человек в активном психопровале после концерта или действия наркотиков нередко приобретает огромную силу. Но Динозавр одолел их без особого труда, чем заслужил благодарность соседей и неприязнь местного полицейского совета, высказавшегося против применения излишнего насилия к представителям молодежи, пусть даже те грозились сжечь весь город.

Впрочем, системы безопасности поселка Динозавру было мало. Его дом тоже превратился в некую крепость. Так что желающему добраться до отставного майора нужно было сначала преодолеть большое кольцо – пробраться в Олимп, а потом и малое – войти в дом. Динозавр надеялся, что держит ситуацию под контролем. Но понимал, насколько этот контроль может оказаться зыбким против его врага.

В сердце старого вояки, который не боялся никогда и ничего, который прославился такими акциями, которые до сих пор вызывают восхищение, прочно поселился страх.

Все стояло перед глазами, будто было вчера. Он помнил, как похитил Черного шамана с планеты Ботсвана.

Как встретился с ним, когда работал представителем Национального агентства по охране промышленных предметов на планете Потомак, где ученые исследовали Черного шамана. Как тот взял его психику под контроль, и на двоих они едва не развязали галактическую войну. Позже следственная комиссия признала, что Динозавр не отдавал отчет своим действиям и находился под психоконтролем колдуна, поэтому его просто выперли на пенсию, обязав на пушечный выстрел не подходить ни к одной государственной организации Аризоны.

Но Динозавр помнил последнее свидание с Черным шаманом. Когда их задержали солдаты, Динозавр вырвался и ударил колдуна. А Черный шаман прошипел:

– Я выпью твою кровь!

То, что Динозавр знал о мощи этого человека, указывало на то, что угроза реальна.

Насколько реальна? Динозавру было известно, что колдун находится в какой-то закрытой научной лаборатории, уйти оттуда невозможно. Но грань невозможного в сознании Динозавра несколько сместилась после знакомства с колдуном. Поэтому ежедневно он проверял охранные системы и молился Богу. Страшна была не столько смерть, сколько ощущение холодных склизких щупалец, которые тянутся от колдуна и сковывают сознание. Майор Форст жалел, что не пристрелил чернокожую бестию еще на Ботсване.

Динозавр по усыпанной гравием тропинке прошел через небольшой цветник. Там на двухметровую высоту вздымались розы с Альтаира-18, каждый их лепесток был окрашен в разный цвет, а земля была покрыта все время шевелящимися, выглядевшими опасными, но на самом деле совершенно безобидными лианами с Нового Юпитера.

– Четыре-одиннадцать, – назвал он код, останавливаясь перед стеклянными воротами своего скромного особняка с изменяющейся геометрией поверхности.

Пароль был подтвержден. Аппаратура моментально считала биополевые характеристики хозяина. Динозавр приложил руку к воротам. По руке следящая система получила недостающую информацию, так что разрядники, плазмопокрывало и генератор эфиронатяжения, которые были готовы задействоваться в любую секунду, могли отдохнуть. Ворота со звоном раскололись, освободив проход. Почему-то дурак-архитектор решил, что такой способ открытия будет выглядеть эффектным, хотя Динозавру были по душе обычные, пусть с лязгом открывающиеся металлические ворота.

Динозавр переступил через вьющийся банан и ступил на порог. Дверь дома распалась, и он вошел в просторную гостиную, в которой был минимум мебели.

Он замер на миг на пороге.

– Домовой, постороннее присутствие? – осведомился он.

– Не выявлено, – произнес компьютер.

И все-таки Динозавру было не по себе, что-то ему показалось не так. Он потянулся к небольшому мощному ЭМ-пистолету «Беретта 2550», с которым не расставался. Пальцы легли на холодную ребристую рукоять, и на душе стало немножко спокойнее. Но сердце все равно было не на месте.

Он сделал несколько шагов вперед. Ноги по щиколотку утопали в мягком ковре, похожем на вечернюю водную гладь.

– Пришел, пришел, пришел! – послышался ликующий вопль. Этот голос было невозможно спутать ни с чьим.

Динозавр повернулся и выхватил «Беретту». И тут же согнулся, будто получив удар в солнечное сплетение, хотя вблизи никого не было.

Пистолет отлетел в сторону. «Энергетический удар», – подумал Динозавр, пытаясь восстановить дыхание.

Когда он поднял глаза, на почтительном расстоянии возвышалась фантастическая, невероятная в причудливом разноцветном освещении гостиной фигура.

– Черный шаман, – выдал Динозавр.

– Я! Я! Я! – Черный шаман хлопнул в ладони. – Обещал. Пришел. Я выпью твою кровь, пес, сын пса и внук пса!

В те дни госпитальеру Никите Сомову приходилось тяжело. Мало того, что в космогоспиталь нескончаемым потоком везли и везли тяжелых больных, а тут еще зачастили проверяющие. Налет на госпиталь вызвал интерес всех спецслужб Московии. Потом притащилась комиссия по медицинским проблемам Галактического Комитета Безопасности.

Монастырскому спокойствию и уединению пришел конец. В госпитале постоянно толкались люди – вездливые сотрудники спецслужб, разухабистые, матерящиеся ремонтники, офицеры с барражирующих вокруг комплекса эсминцев, и многие, многие другие.

Приходилось давать массу объяснений и составлять массу отчетов и смет. Но главное было достигнуто – госпиталь начал восстанавливаться. За два дня был смонтирован прибывший с Московии новый блок интенсивной терапии. А еще через два месяца обещали оснастить госпиталь новой, более совершенной оборонительной системой.

Сомова вся эта суета жутко раздражала. Он уже пережил все, отбоялся свое во время атаки неизвестных штурмовиков, успокоился, и, как всегда, на первый план опять выступила работа. Но полноценно трудиться не давали. А задачка была новая преподнесена такая, что мороз по коже.

У госпиталяера был нюх на проблемы. И когда поступил первый больной – «распадник» – так позже их прозвали медики, – госпитальер понял, что дело пахнет керосином, как говаривали предки. Ясно, что медицина столкнулась не просто с аномалией, а с серьезной опасностью, и на одном пациенте ничего не кончится.

И действительно, через два месяца в космическом госпитале уже было пятнадцать больных новой болезнью. Новая напасть ломала представления о болезни, как таковой. «Болезнь памятников», первое и единственное известное заболевание «волнового заражения», передающаяся электромагнитными и эфирными информпосылками от больного объекта к здоровому, по сравнению с ней казалась элементарной, как перелом пальца.

Как все это выглядело. Симптоматика у «распадников» была обычная психопатологическая. Больные не помнили ничего, у них была амнезия. Они утрачивали связное логическое мышление, их сознание барахталась в пучине жутких и неправдоподобных фантазий. Экстрасенсы и маги, которые время от времени появлялись в госпитале, утверждали, что эти люди видят иные миры, но проверить это казалось невозможным.

Сомов попытался исследовать «распадников» со стороны функциональных и органических изменений внутренних органов. И тут его ожидали интересные результаты. Он выяснил, что больше всего у больных разлажена сердечно-сосудистая система и органы кроветворения. И вообще органы начинали работать асинхронно, так что некоторые пациенты прописались в трехметровых осьминогах реаниматоров. Но самые интересные результаты дал энергоинформационный анализ. Сомов провел его при помощи аппаратуры, а также подключая собственные экстрасенсорные способности, которые, как считают некоторые, были у него уникальными.

Ключ ко всему именно в энергоинформационных процессах, происходящих в суперсложной, таинственной и могущественной системе, именуемой человеком, – это было понятно с самого начала. Ведь главным симптомом у «распадников» был спонтанно возникающий вокруг них полтергейст.

Едва утром Сомов с головой погрузился в работу, как из надпространства вынырнул очередной корабль с визитерами. Он прошел через системы контроля, был идентифицирован и устроился в стыковочном гнезде.

«Очередное сиятельное лицо, – угрюмо подумал Сомов. – Опять раскланиваться, улыбаться, отвечать на идиотские вопросы. Когда же поток любопытствующих иссякнет?»

Госпитальер встал на ковровой дорожке и собрался нацепить участливую мину, положенную при встречах с очередным визитером.

И визитер появился. Лицо было не столько сиятельное, сколько сияющее.

– Сомов, друг мой! – Филатов кинулся к госпитальеру, обнял его и приложил по спине каменной ладонью.

Госпитальер крякнул и зашипел от боли. Но он все равно был рад. Это же Филатов – друг дней его суровых.

Они вместе не один год прожили на «Лысой горе» – в школе при институте нетрадиционных проблем, куда собирались дети с паранормальными способностями. А совсем недавно им пришлось немало пережить на Ботсване. Сомов там был начальником госпиталя, а Филатов проводил расследование. Там они столкнулись с Динозавром, Черным шаманом, еле остались живы. Друзей связывало слишком многое. На Ботсване они не раз спасали друг другу жизнь. Если быть более точным, то это боец экстра-класса Филатов спасал жизнь тьюфяку и недотепе, совершенно не созданному для экстремальных ситуаций Сомову.

Друзья устроились в креслах в кают-компании за бокалом вина-желе. Здесь было пусто. Обычно здесь толкались офицеры с эсминца и ремонтники. Последние были не прочь исследовать возможности пищеварительных систем госпиталя, в основном их мощности, касаемой горячительных напитков. Госпитальеру пришлось заблокировать подачу особо крепких напитков, но нередко он не выдерживал, поддавался на уговоры долдонящих о тяжелой работе операто-

ров монтажных киберсистем и выдавал лимитировано спиртное, а потом жалел об этом, когда подвыпившие работяги устраивали какой-нибудь шум.

Сомов проглотил кусочек прекрасного на вкус, напоминающего красное вино, желе.

– Ну что, воспоминаниям предадимся потом? – спросил Сомов.

– Сначала дело, – кивнул Филатов.

– И какое дело тебя привело сюда? Ты тоже будешь портить мне нервы и выведывать подробности налета?

– Нет. Я обладаю всей полнотой информации. Меня интересует нечто иное.

– Что может интересовать здесь – кого, кстати? Контрразведку, разведку?

– Ткни в последнее, не ошибешься... Меня интересуют «распадники».

– Тебе-то они зачем сдались? Решил врачебной практикой заняться?

– Да, хлеб у тебя отбивать... Нужны, Никита. Еще как нужны. Ну, делимся информацией?

Сомов объяснил в общих чертах, что знал.

– Утебя какое мнение? Что это? – спросил разведчик.

– Я затрудняюсь сказать. Есть кое-какие идеи. Они вроде бы находят свое подтверждение.

– Излагай.

– Я бы поставил такой диагноз, за который меня медики сожрут – разбалансировка тел.

– Чего? – Филатов отставил желе и удивленно посмотрел на друга.

– Тебе что, на «Лысой горе» не говорили, что каждый человек – это не просто физическое тело? Это несколько взаимодействующих тел, среди которых лишь одно физическое, а другие – тела из все более тонкой материи. Древние считали, что этих тел семь. Современная наука, имеющая не слишком большие возможности в определении такого загадочного нечто, как биоэнер-гоинформационная оболочка, так и не могла прийти к выводу, сколько же их. Но кое-каким измерениям они все-таки поддаются. Прибавь к этому мою сверхчувствительность. У пациентов произошло невиданное – спаянные между собой тела человека у них разбалансированны, будто пытались разделиться.

– Что-то подобное раньше было?

– Ничего подобного не наблюдалась. Жуткая болезнь, захватывающая как физическую, так и биоэнергетическую составляющую человека.

– Значит, разбалансировка тел и как следствие вырывающаяся наружу неподконтрольная биоэнергия?

– Так. Что ты мне можешь взамен предложить?

– Буду тебя бить наповал. Первое – эпидемия расплзается по всей Галактике. Случаи пока единичные, но это не значит, что их не будет больше.

– Где еще были? – осведомился госпитальер.

– На Аризоне в отделении Дока Сэма томятся несколько «распадников». Их держат в помещениях нулевого защиткласса. И не знают, что с ними делать.

Сомов предполагал, что подобные случаи будут и в других местах Галактики Человека, в том числе и на Аризоне, но пока никаких сведений оттуда не поступало, хотя обзор эпидемиологической обстановки ежедневно обновляется в комиссии по медицинским проблемам ГКОБ, и туда поступают сведения и из Аризоны. Значит, аризон-цы имеют основания засекречивать все данные.

– Много их там? – поинтересовался Сомов.

– Не больше, чем у тебя... Кроме того, в клинике возник полтергейст. В результате один пациент сбежал.

– Из помещения нулевого защиткласса? – недоверчиво спросил госпитальер.

– Именно. И этот пациент – Черный шаман.

Кусок желе упал на колено Сомова и расплылся по нему. Госпитальер открыл рот и закрыл его, не в силах что-то сказать.

– И еще – есть основания полагать, что налет на госпиталь связан с «распадниками», – продолжил Филатов.

– В каком смысле?

– Некто на Аризоне похищает «распадников». Прямо из-под носа медиков или спецслужб.

– И?

– Возможно, штурмовики тоже прилетали за ними.

Карьера Пенелопы Вейн в последний год складывалась довольно успешно. Всю ответственность за прошлые неудачи ей удалось переложить на своего напарника и коллегу майора Форста – Динозавра. Она умудрилась вернуться с планеты паучников Потомак, где являлась заместителем Динозавра в бытность того руководителем подразделения национального агентства охраны промышленных секретов, в родное Федеральное бюро расследований, руководство которого любило развлекаться то пинанием, то повышениями Пенелопы.

Подготовкой операции по проникновению за внешний круг обороны Черномории на корабле-разведчике «Парящая лиса» занимались Пентагон и ЦРУ. И оба могущественных ведомства на радость ФБР дружно сели в лужу. Скандал поднялся страшный. Исчез разведчик, в котором были использованы новые супертехнологии. И судьба его неизвестна. Не приведи Господи, если он в руках москвитян.

Была создана представительная комиссия, сопредседателем от Бюро в нее вошла Пенелопа.

История с «Парящей лисой» вышла более чем странная. Разведчик работал в условиях молчания. В принципе, засечь пак-нить – сверхсветовую передачу – очень трудно, но исключить такую вероятность полностью нельзя, поэтому экипажу было разрешено выходить на связь только в самом крайнем случае. На случай возникновения критической ситуации и угрозы попадания корабля в руки противника в сознание капитана и пилота был внедрен поведенческий блок – они обязаны были уничтожить «Парящую лису» вместе с собой.

Девятнадцатого сентября в ноль пятьдесят по Аризоне корабль вышел на связь. Его комп послал сжатое сообщение. Достаточно искаженное, невнятное. Эксперты немало потрудились, восстанавливая его содержание.

Сидевшая в зале, расположенном в подвале здания аналитического управления ЦРУ, ошарашенная Пенелопа смотрела на экран – на искореженную рубку, мечущихся людей. Видела взбесившиеся, ломающиеся предметы.

– Полтергейст, – прошептала она.

– Глупости, – возразил эксперт. – Возможно, они попали в район какого-то стихийного космического бедствия. Явление, которое мы пока не знаем. Космос полон тайн.

– Лейтенант, я здесь не для того, чтобы выслушивать ваши идиотские предположения! – Пенелопа привычно выпустила коготки. Она обожала тереть носом о землю людей, особенно тех, которые говорили, когда их не спрашивают.

– Но, мадам...

– Возьми-ка лучше нитки.

– Что, мадам?

– Чтобы зашить свою пасть и не открывать ее, когда не просят!

Лейтенант покраснел, как помидор. Если он что-то и хотел возразить, то желание это у него пропало.

– И еще – мадам – это та дура, которая согласится на свидание с тобой. А я – офицер Вейн. Ясно?

– Так точно, ма... Офицер Вейн.

Пенелопа готова была поклясться, что это полтергейст – загадочное явление буйства духов, сопровождающее человечество всю его историю. Но обычно полтергейсты достаточно безобидны. Они портят людям нервы, но никогда не приводят их к гибели. Почему эта сила выплеснулась так мощно именно в «Парящей лисе»?

Эксперты встали на точку зрения эксперта-лейтенанта и что-то долдонили о торсионных гравиполях, о эфирных вихрях в открытом космосе, которые могли привести к подобному эффекту. В общем, несли сушью околесицу. Пенелопе было на них плевать. Она уцепилась за нить и собиралась тянуть ее, пока на ладони не будет лежать весь клубок.

Вейн запросила подборку данных о полтергейстах. И, к удивлению своему, обнаружила, что их количество в последнее время на территории ОПА возросло в шесть раз. Это не могли быть фокусы статистики. Что-то за этим стояло – холодное и жутковатое.

Она начала собирать информацию. И обнаружила, что многие люди, бывшие вблизи от полтергейста, заболели душевной болезнью. А потом их следы терялись.

Немного времени понадобилось, чтобы выйти на клинику Форбса. А потом и на Дока Сэма.

Специализированное отделение клиники работало частично на Пентагон, а частично на ЦРУ. У Бюро допуска туда не было. Тогда Пенелопе не оставалось ничего другого, как взять за жабры сопредседателя комиссии от ЦРУ полковника Кокчетяна.

– Ваша служба в полном дерьме, – без долгих церемоний заявила ему Пенелопа, когда они сидели в комплексе ЦРУ, в кабинете, надежно защищенном от всех видов наблюдения.

– Ну, это вопрос спорный. Мы не можем отвечать за космические аномалии, взрывы сверхновых.

– Черные дыры, происки Чужаков, добавьте, полковник, чертей, которые мутят воду. Что еще пропустили?

– Пенелопа, вы очаровательны. Но ваш гнев достоин лучшего применения.

– Эта чушь про космическое стихийное бедствие – для остолопов-сенаторов. Я не думаю, что вы сможете обмануть этим бредом людей, у которых голова набита не только соломой! Причину нужно искать не там.

– А где, очаровательная Пенелопа? – усмехнулся полковник, пожирая ее прекрасную фигуру и холеное, длинное, красивое лицо жадными восточными глазами.

– В клинике Форбса.

Улыбка сползла с лица полковника.

– По-моему, там лечат душевнобольных, – как можно равнодушнее произнес он.

– Вы прекрасно знаете, о чем речь. О спецотделении Дока Сэма... И кончайте притворяться недотраханной девственницей! – хлопнула она по столу кулаком.

Полковник допускал, учитывая темперамент сотрудницы ФБР, что следующий удар придется ему в нос. Он посерьезнел. Сухо произнес:

– Изложите суть. И я посмотрю, что можно сделать.

Так Пенелопа получила доступ к массиву данных о «фокусниках».

Две недели она провела, копаясь в банках данных. Пораженная, она узнала, что «фокусники» являются предметом чьего-то постороннего не идентифицированного пристального интереса. Зафиксировано три случая, когда носителя феномена похищали перед тем, как за ним приходили представители спецслужб. Что же происходило? Пенелопа понимала, что в ответе на этот вопрос может крыться объяснение всего.

Старший агент Вейн обладала неплохими аналитическими способностями. Но картина, которую она рисовала себе, получалась с прорехами. Так было до тех пор, пока, перекапывая

архивы своего ведомства по схожей тематике, она не наткнулась на аналитическую записку офицера Дика Ньюмена из информационного центра Бюро. Чудом его начальство сразу не изорвало эту докладную, не заставило автора съесть ее и не стерло все упоминания о ней из информбанков. Ее посчитали обычным курьезом, плодом расшалившегося воображения паучника, у которого ум зашел за разум. А называлась она «Аспекты внешнего воздействия на гуманоидный сектор не идентифицированных сил присутствия». Название путанное, но про-рисовывались модели воздействия чужаков на человеческую цивилизацию. А потом давалась возможная классификация субъектов такого влияния.

Копаясь дальше, уходя все глубже в область легенд и мифов, Пенелопа наткнулась еще на одно забытое и также не принятое всерьез сообщение. Тогда и выкристаллизовалось это слово – Орден...

Лайнер «Дин Кросс», названный в честь великой порнозвезды, погибшей три года назад от передозировки волновых сенсорнаркотиков, доставил Пенелопу на курортную планету Монтана. С толпой отдыхающих она вошла в распутившийся гигантский пластометаллический, окруженный изумительно красивыми СТ-проекциями бутон местного космопорта.

Люди прилетали на Монтану отдохнуть, то есть забыться на аренах сенсорнаведения и в садомахах, упасть в пучину ирреальных миров нейростимуляторов и распластаться в лучах эротических центров удовольствия. То есть вся эта толпа намеревалась заниматься здесь тем же, чем годы напролет занимались в Нью-Тауне, и совершенно непонятно, зачем за этим было тащиться три световых года.

Она прошла очередную сверку полицейидентификатора. Полицейский контроль был усилен после того, как русскому агенту Замойски (Пенелопа не знала, что за этим именем скрывался Сергей Филатов) удалось без труда заморочить все полицейские службы и всю их компьютерную сеть.

Пенелопу встречал представитель клиники Форбса, в котором без труда можно было узнать птенца Министерства Обороны.

– Вы прилетели не в слишком удачное время, – сказал он, распахивая перед Пенелопой кабину скоростного глайдера.

– Почему?

– У нас побег из спецотделения, – поморщился встречающий.

– Неужели сбежал «фокусник»?

– Обо всем узнаете на базе.

Обладательница допуска «Лима», кроме того, снабженная высокими императивами, в клинике Форбса Пенелопа имела доступ к основному массиву информации. Она ошарашенно смотрела на зависшее над полом СТ-изображение беглеца.

– Черный шаман! – воскликнула она.

– Хороший знакомый? – осведомился Док Сэм, пребывающий в благостном состоянии духа. Приступ ярости у него прошел, и он уже не требовал пистолет для короткой расправы над кем-нибудь из подчиненных.

– Чересчур.

– Тогда подскажите, где его искать.

– Пока не знаю.

Пенелопа лукавила. У нее были кое-какие идеи на этот счет. Например, она знала, что на Монтане живет «прекрасный друг» Черного шамана Динозавр.

– Мне нужен глайдер! – потребовала Пенелопа у встречавшего ее представителя Пентагона.

Она чувствовала, что сила, бушующая вокруг «фокусников» и мощь Черного шамана имеют много общего. Ей хотелось задать несколько вопросов колдуну. И она была уверена, что развяжет его поганый язык.

– Никаких проблем, – произнес офицер. – Глайдер – на стоянке на поверхности. «Мангуста» номер 45875. Только я хотел бы знать о ваших передвижениях.

– А в кровать ко мне залезть не хочешь? – обрезала его Пенелопа.

– Но я отвечаю за вашу безопасность.

– Позаботься о своей заднице, сынок. «Сынок» был на несколько лет старше Пенелопы, но возражать не стал. Он прекрасно знал, что такое фурия. А способы контролировать передвижения по Ниагаре гости у него имелись, и для этого не требовалось ее согласия.

В глайдере был полицейский кодировщик. Поэтому когда через сорок минут машина зависла над поселком Олимп, после трехминутной проверки охранные системы пропустили ее.

Глайдер мягко приземлился на стоянке рядом с трехместным дорогим «Харлеем» и древней колымагой «Стрела-677», которая если и летала, то недалеко и недолго.

Подойдя к информационному столбу в углу стоянки, Пенелопа выяснила, как пройти к дому Динозавра, и огляделась.

Место было приятным и патриархальным настолько, что у Пенелопы ноздри расширились от отвращения. В зелени утопали причудливых форм домики. За небольшим парком возвышались башенки феодального замка, а еще дальше – крыши китайской пагоды. Жители этого скучного места были совершенно не склонны к архитектурным экспериментам и смелым решениям.

– Импотенты, – пробурчала Пенелопа.

Действительно, в ее представлении именно таким должен быть рай у ни на что не годных, выпавших из жизни импотентов. Ей казалось странным, что Динозавр выбрал такое место. С другой стороны, после истории с Черным шаманом он вряд ли остался тем же твердокаменным майором Форстом, которого она знала, и даже немножко любила и ненавидела, которому не раз желала сдохнуть и с которым не один изумительный час провела в постели под аккомпанемент сенсору с илителей.

Быстро сгущалась тьма. На Монтане ночь овладевает миром в считанные минуты. Пенелопа знала, что скоро небо станет черным, как в Космосе, и на нем выступят россыпи голубых мерцающих звезд.

– Идиллия, – презрительно повторила она и направилась к дому майора Форста.

В поселке было пусто. Жители прятались по своим домам, и их, похоже, совершенно не интересовало, что творится в окружающем мире. По дороге Пенелопе встретила высокая, белокурая женщина, килограммов под сто весом. Она тащила пакет с какими-то загадочными плодами. Пенелопа вдруг поняла, что эти крючковатые, отвратного вида разноцветные плоды ничто иное, как экзобананы. Женщина настороженно поглядела на офицера ФБР, пожалала плечами и исчезла в парке.

– Ну, Динозавр, старый трупоед, – прошептала она, подходя к владениям майора Форста, – сейчас я тебя поражаю.

Маячки охранных систем на ограде слабо поблескивали, они были в режиме ожидания. Значит, охрана здания и территории не действовала. Напрашивался вывод – хозяин зашел в дом и забыл включить систему, что было не в традициях майора Форста. Впрочем, после объятий Черного шамана он вполне мог стать полным раздолбаем.

Пенелопа ступила на порог. Дверь распалась искрящимися осколками и восстановилась за ее спиной.

Она вошла в гостиную.

– Пришла за смертью, – послышался знакомый голос. – Я искал тебя. Сила у меня. Псы у моих ног. Я счастлив.

Пенелопа потянулась к разряднику на поясе, но, получив мощный психокинетический удар, упала на пол...

Сразу после беседы о «распадниках» Сомов решил познакомить Филатова с несколькими больными, наиболее типичными в своих клинических проявлениях. Они сидели на командном пункте госпиталя.

– Вот смотри, – говорил Сомов, вызывая на экране все новые и новые картинки. – Все «распадники» находятся в одиннадцатом автономном блоке для особо опасных заболеваний.

Одиннадцатый блок висел отдельной секцией, и попасть в него можно было только при помощи шлюпки. При возникновении особой опасности его всегда можно было отфутболить от госпиталя и даже взорвать.

– В одиннадцатом у тебя были пациенты с "болезнью памятников", – произнес Филатов.

– Было дело. Большинство палат, оснащенных аппаратурой высокой защиты, занято. Что будет, если хлынет новый поток пациентов? – вздохнул Сомов. – Смотри, – он щелкнул на голопульте клавишей. – Михаил Николаевич Греков, сорок лет. Диспетчер транспортной сети Степи. Возникший вокруг него полтергейст едва не стал причиной крушения туннельника. Голографический блок компьютера, отвечающего за безопасность движения, разлетелся в диспетчерском пункте, где дежурил Греков. Чудом не произошло аварии.

– Но диспетчерский комп имеет трехуровневую защиту, – недоверчиво произнес Филатов.

– Да. И по всем уровням будто волна прошла, перетрясая основные команды и внося в них ошибки. С тех пор Греков изредка нащупывает контакт с действительностью. Где находится – понимает с трудом. Бредоподобные фантазии четырехмерного уровня.

– Что это значит?

– Некоторые душевнобольные начинают, как им кажется, воспринимать не трехмерный, а четырехмерный пространственно-временной континуум. Естественно, все меры длины и времени, все расстояния теряют свой смысл.

– Они действительно воспринимают четырехмерный мир?

– Трудно сказать. Не исключено... Палата семнадцать. Олеся Пашенко, двадцать пять лет. Во время полтергейста пострадала ее семья. Грудной ребенок получил ожоги, неопасные для жизни.

Филатов посмотрел на красивую молодую женщину, тело которой было обито эластичными повышенной чувствительности, принадлежащими аппарату-диагносту, сострадательно покачал головой:

– Смотри ты, какая молоденькая... Жаль!

– Павел Серебряков, восемнадцать лет. Курсант Военно-космической академии. Его скрутило в классе спецтренажеров. Перекрученный тренажер, расколотый диагност в гравикамере – все, больше последствий не было. На контакт не идет. Бред преследования. Якобы черная сущность стремится опутать его и утянуть в ад. Дальше?

– Хватит.

– Остальные случаи схожие. Во время их нахождения в госпитале зафиксировано четырнадцать случаев полтергейста. Кстати, эти энергии глушатся полями нейтрализации, но не до конца.

– Значит, у них эфиродинамическая природа?

– Вряд ли. Из всех случаев самый опасный – с диспетчером. Там могли быть реальные жертвы. Но ничего такого, как в «Парящей лисе». Там полтергейст покуражилась вовсю. Наши случаи куда слабее.

– Слабее, сильнее, – нахмурился разведчик. – Главное – это существует. И что это такое?
– То, что мы имеем дело с заболеванием – это факт. Я тебе могу назвать не один признак, по которой «распадники» именно больные, а не какие-то мутанты и не деградировавшая ветвь человечества, – усмехнулся Сомов. – Есть начало болезни, есть более-менее изученное ее течение. Нет ни одного случая излечения, и нет даже подходов к лечению. И нет главного – носителя болезни.

– И нет начала.

– Правильно. И мы не имеем контакта с больными, не можем восстановить его историю, узнать, что предшествовало заболеванию. Разговоры с родственниками и знакомыми ничего не дают. Больные никогда не встречались друг с другом, они из разных мест. Но общая причина должна быть.

– Ну что ты об этом думаешь?

– Не знаю. Если мы найдем начальный этап, станет понятно, откуда ветер и что с этим делать.

– И зачем таинственным похитителям сдались эти «распадники», – кивнул разведчик.

– Точно.

– Перед началом полтергейста на «Парящей лисе» пилот сказал одно слово – гость.

– Гость, – госпитальер задумался. – Гость. Что бы это значило?

– Может, ничего.

– А может и значить... У меня есть одна идея.

– Плодотворная?

– А это мы посмотрим. Я хочу попытаться войти в контакт с больными.

– Как?

– Обычно. С риском для жизни...

– Вы мои, мои, мои, – шуршал как прибор – мягко и настойчиво – Черный шаман, переваливающийся на кривых толстых ногах по комнате рядом с двумя распростертыми телами своих врагов. – Я сильный. Вы слабы... Ты! – он нагнулся над Динозавром, который пытался скинуть с себя оцепенение и не мог. – Я дал тебе милость. Ты был верным псом. Не хотел оставаться верным. Будешь мертвым. Выпью твою кровь. Выпью, выпью, ах, – Черный шаман упал на колени и начал раскачиваться из стороны в сторону.

Перед ним лежала медная чаша и ржавый, выдавший виды нож. Эти вещи он нашел в стенной нише – Динозавр их прихватил как сувенир с Ботсваны и как напоминание о том жутком мире колдовства и человеческих жертвоприношений, к которому ему довелось прикоснуться. И подгадал – только не себе на пользу. Эти предметы пригодились Черному шаману. Тот готовился принести очередные жертвы хищникам мабуку – черным демонам черных богов.

– Я выпью твою силу, пес. Я выпью священную жидкость, хоть ты недостоин. Недостоин, недостоин! Черный шаман вскочил и пнул Динозавра.

– И твою силу возьму я, презренная самка песчаной черепахи! – он нагнулся над Пенелопой, скорчившейся на полу, обхватив плечи руками. – Я ждал. Моя сила не подвела меня. Мои демоны вернулись ко мне. Я! Я! Я!

Шаман впадал в экстаз, он отвлекался, но сжимавшие пленников путы не отпускали их.

– Твое везенье, пес, где оно? Нет! А твое, грязная тварь? Нет! У меня есть! Везенье со мной! Сила – со мной!

Тем временем речь становилось все сбивчивее и быстрее. Он переходил на шепот.

– Черный шаман ждал. Черный шаман ждал долго. Черный шаман сидел в плену! Они думали, Черный шаман не может ничего! Но он копил силу! Он копил знание! Он искал

ключи к железным механизмам. Он искал ключи к холодному мертвому разуму, управляющему металлом! Он искал ключи к душам! Он нашел ключи к душе того, кто охранял его! Он убил его и выпил его силу!

В голове Пенелопы будто ворочался дикообраз. Резкая боль пульсировала от затылка ко лбу. Женщина не могла двинуться, но она могла думать. И она поняла, о чем говорит Черный шаман. Пока идиоты-врачи думали, что колдун растерял свои силы и ничего не может без доступа человеческой крови, тот копил силы, опутывал мозг Утконоса и учился разбираться с электронными системами. И в один прекрасный день нанес удар. Сбежал. Смог невидимкой просочиться в дом Динозавра.

Два года не прошли для колдуна даром. Он открыл для себя тонкости мира техники. И теперь стал еще сильнее, хотя и утратил значительную часть магической мощи.

– Вы, белые глупцы. Вы жалкие животные! Вы проспали приход в мир Черных Погонщиков. Я знаю Темных Демонов. Черный шаман будет служить им! Они будут служить Черному шаману! Пить кровь! Брать силу! Я хочу!..

Динозавр замычал и начал приподниматься.

От него это потребовало огромных усилий. Но он распрямил плечи и приоткрыл глаза. Он скидывал власть Черного шамана.

– Нельзя, пес. Нельзя, нельзя, – забормотал Черный шаман. Он испуганно подался назад. Железная воля майора Форста сокрушала оковы. – Нельзя, нельзя, нельзя!

Колдун подался назад. Он испугался. Он понял, что власть его кончается.

– А мабу ту! – издал Черный шаман дикарский боевой клич Ботсваны. Сжал ржавый нож и занес его над майором, зная, что должен успеть вонзить его во врага, или будет поздно...

Динозавр понял, что нож сейчас вонзится в его грудь. И вскоре его трепещущее сердце забьется в руках колдуна. Он сделал титаническое усилие. Черный шаман поднял нож...

В последний момент Динозавр согнулся и уткнулся глазами в локоть. Он затылком почувствовал, что сейчас будет.

Захваченные поединком, ни Черный шаман, ни Динозавр не обратили внимания на тихий шелест, исходивший от зависших рядом с домом глайдеров.

В дом подбросили «колючки» – светозумовые устройства, приводящие человека на несколько минут в состояние ступора, так что его можно было брать тепленьким.

Море огня врезало по глазам Черного шамана, грохот прокатился по его ушам. Он упал на колени и заскулил, потеряв ориентацию. Динозавр повалился на пол. Он отделался меньшими потерями. Во время борьбы с Черным шаманом он пребывал в состоянии оглушенное, так что звуковая волна прошла по нему не так сильно. А глаза он сумел уберечь.

Как только Черный шаман был повержен, спали оковы с Динозавра. Злая сила отступила и от Пенелопы. Но майор Форст знал, что показывать свое состояние нельзя.

Он не понял, в чем заключается ситуация, а в таких случаях лучше, чтобы тебя просто не замечали до поры до времени.

По классике захвата в дом влетело четверо десантников в черных штурмовых бронекомплектах. Они держали в руках бронебойные разрядники. Их лица скрывали темные шлемы. Первый десантник ударил Черного шамана хлыстом парализатора, и туша обмякла.

– Забрать! – резко приказал пришелец.

Десантники подхватили Черного шамана и сноровисто выволокли из помещения.

Главарь посмотрел на распластанные тела Динозавра и Пенелопы, кивнул своему помощнику:

– Выброси этот мусор! – и вышел из дома.

Десантник поднял бронебойный разрядник. Ствол уставился на Пенелопу.

Десантник был дурак и не умел чувствовать ситуации – это Динозавр понял сразу. Сам майор никогда бы не встал в такой близости от противника, даже кажущегося бездыханным.

Палец десантника пополз по спусковому крючку. Еще секунда – и красивое лицо Пенелопы вспучится, кожа лопнет, череп разлетится, и это прекрасное существо превратится в обгорелые лохмотья.

Динозавр начал движение. Он перекатился по полу, захлестнул ногой десантника, вставая, придал ему ускорение, и когда тот еще не коснулся пола, выбил из его рук разрядник, подхватил его и разрядил тому прямо в грудь.

– Вставай! – Он рывком поднял Пенелопу, ноги у нее не слушались. – Туда! – Он резко толкнул женщину вперед, которая пролетела по инерции три метра и шмякнулась о мягкую стенку в коридоре.

Динозавр кинулся за ней, полуобернувшись, резанул молнией появившуюся в проеме фигуру.

Послышался сдавленный крик боли. Молния коснулась плеча десантника.

Динозавр успел вовремя. Как только он влетел в коридор, в помещении рванула плазмограната, сметая мебель, вздувая пузырями пластик и керамику стен. В помещении не должно было остаться ничего живого. Но там никого не было.

– Наверх! – Динозавр толкнул Пенелопу к платформе гравелифта. – Они сейчас двинут сюда.

Платформа бесшумно взмыла, унося так и не вышедшую до конца из протрации Пенелопу вверх.

А Динозавр прижался к стене, готовый встретить штурмующих ударом разрядника.

Потом пустая платформа вернулась. Динозавр вскочил на нее и спрыгнул рядом с Пенелопой на втором этаже.

Но нападавшие не ринулись снова в дом.

Ухнул взрыв, посыпались брызги небьющихся стекол, домзаходилходунном. Потом последовал еще удар. Это один из двух глайдеров нанес по дому удар из бортового орудия.

– Вызывай экстренную помощь! – крикнул Динозавр Пенелопе. – Комп. Защита. Активизация. Уничтожение! – приказал он.

Плазменный разряд защитной системы дома протянулся к глайдеру, но не причинил ему вреда.

Следующие удары глайдеров имели шанс пробить брешь в активизированной обороне дома, но пилоты не стали связываться, а устремили скоростные машины в черное небо.

Пенелопа нажала на кнопку экстренного вызова на браслете связи.

– Полицейские будут здесь через пять минут, – она сидела, прислонившись к стене. И неожиданно всхлинула. Динозавр провел ладонью по ее волосам.

– Все нормально, офицер, – произнес он, положив рядом с собой разрядник.

– Я знаю, – она снова всхлинула, потом встряхнула головой – зло, непокорно. Она снова стала той самой Пенелопой Вейн. – И обойдусь без твоих нежностей, Динозавр!

– Ты все такая же ведьма, – грустно вздохнул он.

– С такими учителями неудивительно, – она смерила Динозавра презрительным взглядом.

– Ладно, старые друзья обменялись нежностями, – хмыкнул Динозавр. – Теперь ты мне расскажешь, что происходит, или я надеру твой очаровательный зад.

Как получилось, что слово зад стало любимым словом арizonцев? Динозавр неоднократно задавался этим вопросом. И в минуты обострения хронического цинизма думал, что по большому счету это из-за того, что вся его страна сидит в заднице, поскольку при материальном изобилии в ней вырастает уже которое поколение истинных задниц, которые ни о чем, кроме собственных интересов, не думают. Так что весь мир – это большая задница...

– Все просто. Черный шаман сбежал из клиники Форбса.

– Что?! – воскликнул Динозавр. – Он все годы находился здесь, на одной планете со мной?

– А ты что, хоронился здесь от него?

– В каком-то роде.

– Он пришел рассчитаться с тобой. А эти люди пришли за ним. Он им нужен.

– Кому им?

– Ордену Копья.

– Кто это такие?

– Форст, мне никто не поверит. Но я убеждена, что это правда.

– Рассказывай.

– Для этого тебе придется вернуться в игру. Хотя ты и самая большая сволочь из всех, кого я знала, но ты мне нужен. Я верну тебя в игру...

– Такую гадость даже ядовитые птимабуку с планеты Ботсвана есть не станут, а они, между прочим, славятся прекрасным аппетитом. Вы же хотите кормить этой кашей наших больных!

– Требуется изменения в программе пищесинтезатора, – трижды как заведенный повторил андроид.

– А, чтоб тебя! – окончательно разозлился главный госпитальер. – Всю дорогу забываю, что эти андроиды не люди, а только внешне на нас похожи. Распекаю их, как обычных рабочих.

– Бывает, – сказал Филатов.

Друзья сидели на командном пункте госпиталя. День начался с организационных неурядиц и технических поломок.

– Чем дальше, тем больше сбоев в комппрограммах, – пожаловался Сомов.

– Не связано с «распадниками»? – заинтересовался разведчик.

– Возможно. Всплески этой загадочной энергии добивают до главного блока станции.

– Из одиннадцатого блока? – удивился Филатов. – Именно. Почему-то больше всего бьют по пищесинтезаторам. Третья подналадка за два месяца.

– Не думал, чтобы отвести одиннадцатый блок подальше?

– Нет никакого смысла.

– Но когда-нибудь накроется главный комп.

– Нет, это исключено, – отмахнулся Сомов. – Неполадки неглубокие, функциональные.

Переживем.

– Как продвигаются дела по «распадникам»?

– Никак. Застопорились.

– Ты обещал попробовать какую-то методику.

– Да. Нужно свести баланс всех тел хотя бы ненадолго. Единственная возможность.

– Как это сделать?

– Аппаратуры такой нет. Единственная надежда на старое доброе колдовство.

– Экстравоздействие?

– Да.

– И у тебя хватит на это сил? – с сомнением спросил разведчик.

– Ни у кого не хватит.

– Так на что ты надеешься?

– А это зачем? – Сомов щелкнул на пульте клавишей, и перед ним из пола поднялся контейнер. Он раскрылся.

– «Раковина» приоров, – прошептал Филатов.

– Она, родная.

На Ботсване друзьям удалось проникнуть в легендарный заброшенный город загадочной працивилизации приоров. Туда безуспешно пытался с помощью Черного шамана попасть майор Форст. Собственно, этот проект ЦРУ и послужил началом чудовищных событий. Аризонцы хотели получить доступ к технологиям приоров и достигнуть перевеса сил в свою пользу. Но получилось наоборот – в город попали Сомов и Филатов и извлекли оттуда несколько предметов, которые обеспечили технологический скачок Московии. Вместе с тем один предмет остался у Сомова – «раковина», которую все посчитали обычной ракушкой с морского дна. Вместе с тем она являлась сосредоточением мощнейших сил, и иногда у Сомова получалось вызывать эти силы. Несколько раз «раковина» спасала жизнь ему и другим людям. Она помогала пациентам, в том числе при лечении загадочной мраморной болезни. Вместе с тем ее использование было опасным. Она не только выручала людей, но и ставила их на грань гибели.

– Когда планируешь начать? – спросил разведчик.

– Мне кажется, пришла пора. Попробуем завтра, – сказал госпитальер, поглаживая «раковину»...

Динозавр был снова на службе. Ему не хотелось самому признаваться, насколько он рад этому и насколько ему обрыдла тихая жизнь и даже самые экзотические бананы.

Восстановлен в Центральном разведывательном управлении он был на малопонятной должности консультанта Директора. Эта должность подразумевала использование его по любой линии в наиболее актуальных делах. Таким актуальным делом явилась работа комиссии по исчезнувшему кораблю-разведчику «Парящая лиса».

После похищения Черного шамана поднялся большой шум. Призвав все свое красноречие, Пенелопе удалось убедить руководство в том, что исчезновение разведчика и эпидемия буйства духов связаны между собой.

В этом деле ничего не было ясно. Обнаруженный труп десантника так и не удалось идентифицировать. Ни в данных учета граждан, ни в пограничных информационных банках человек с такими папиллярными узорами и радужкой глаз не числился. В принципе такое было возможно, если убитый принадлежал к отверженникам – расплодившимся в городах бродягам, которые принципиально ничего не имеют общего с государством – не сидят на сытых социальных пособиях, не пользуются бесплатными едой, наркотиками и сенсорзрелищами, не регистрируют своих детей. И вариант второй – этот человек незаконно проник в Объединение Планет Аризоны, что придавало делу зловещий оборот. В государстве, где убийцы порой отделялись общественным порицанием, шпионаж и незаконное пребывание на территориях ОПА считалось самым серьезным преступлением.

Глайдеры, участвовавшие в налете на Олимп, были найдены на стоянке на побережье. Один из них был поврежден ударом защитных систем дома Динозавра. Оба были зарегистрированы на имя хозяина компании «Игрушки-кошмарики» Майкла Пирсона. Когда к нему нагрянула Пенелопа в сопровождении Динозавра, Пирсон начал высокомерно вопить о своих правах и требовать соединить с адвокатом, председателем муниципального совета по защите гражданских свобод, с общественной комиссией под названием «Долой грязных копов» и еще с десятком таких же организаций. Допрос свидетеля на Аризоне вырос в большую проблему.

Динозавр послушал его минуты две, а когда Пирсон потянулся к кнопке СТ-связи, взял со стола тарелку с популярным пудингом «Слюна слизняка» и размазал по физиономии бизнесмена. Потом нагнулся над ним и рыкнул:

– Ты заткнешься и пойдешь с нами! Или я размажу тебя так же. Понял?

Пирсон понял. Он не возражал. Он вдруг стал вежлив и послушен. Ибо на него смотрели глаза хищника, способного разодрать его на мелкие кусочки.

Пирсона сначала допросили просто так, а потом с «правдоискателем» и гипноснимателем. Без толку. Динозавр убедился, что этот человек действительно ничего не знал, и неизвестные злоумышленники сумели зарегистрировать два тяжелых глайдера на его имя.

Когда Пирсон пришел в себя, он взял быка за рога.

– Эти глайдеры зарегистрированы на меня, так? – осведомился он сухо.

– Так, – согласилась Пенелопа.

– Когда я смогу забрать их?

– Ну, наглец!

– Юридически это моя собственность.

– Это вещественное доказательство.

– Я пришлю моих адвокатов.

– Пшел вон отсюда! – для верности Динозавр придал бизнесмену ускорение пинком под зад и кинул прямо в руки охранников. – Выкиньте это дерьмо на улицу.

Принятые меры полицейского розыска ничего не дали. Черный шаман не возникал нигде. Или он где-то спрятан, или его нет на планете.

Динозавр, просмотрев наименования вылетевших из космопорта кораблей, вычленил четыре – малый грузовой рейджер «Апполоний», скоростной гонщик «Морская медуза», яхту «Мельпомена» и эфирный парусник межпланетного радиуса «Пьяный мичман».

– Если его вывезли, то на одном из этих кораблей. Нужно проверить их всех по портам приписки, – сказал Динозавр.

И все же самой подозрительной оказалась «Мельпомена», под регистрационным номером которой на планете Датское Королевство был зарегистрирован низкоорбитальный транспортер.

Объявив в розыск «Мельпомену», Динозавр безнадежно махнул рукой:

– Бесполезно. Яхта больше не появится.

– Как знать, – возразила Пенелопа. Отработав Монтану и не обнаружив там ничего, Динозавр и Пенелопа прибыли на Аризону. На сто пятом нижнем уровне здания ФБР располагался кабинет Пенелопы. Просторные, выдержанные в аскетической строгости помещения удивили Динозавра. Но увидев комнату отдыха, он понял, что Пенелопа осталась такой же. Комната была обставлена роскошно, в ней висела над полом королевская виброкровать со ста двадцатью уровнями жесткости, в голове – сенсорусилитель, при общении с противоположным полом он погружает человека в самые сладкие эротические переживания. Здесь же были волновой успокоитель, вибромассажер, ионные наполнители...

Динозавр подумал, что это помещение очень похоже на то, на Потомаке, где он с Пенелопой...

Что-то толкнуло его вперед. Он шагнул вперед и положил ей руку на плечо.

– Пенелопа... – хрипло произнес он.

Она сшибла его руку резким ударом и процедила:

– Убери свою грязную клешню, Динозавр! Мы здесь работаем, ясно?

– Ясно.

– Я не для того вызволила тебя из банановой дыры, чтобы барахтаться с твоей вонючей тушей на постели.

– Пенелопа, ты все-таки редкая сволочь.

– А ты как думал, пупсик? – она провела пальцем по его щеке. – Именно сволочь. За работу...

Динозавр должен был признать, что накопала Пенелопа немало. Работа с информацией – это ее конек.

– В ту ночь ты проговорила об Ордене Копья, – сказал Динозавр, сидя перед компьютером на жестком стуле – он признавал только жесткие стулья и не любил разваливаться в обволакивающих, массирующих сиделище и шею, принимающих любую форму креслах. – Что это такое?

– «Теневые миры» человечества.

– Это чушь! – воскликнул Динозавр.

– Для дураков небольшая лекция. В знаменитый «час X» человечеству пришлось срочно уносить ноги с нашей любимой альма-матер – планеты Земля. Многие переселенцы на своих эскадрах выпали из поля зрения Планетного Комитета Спасения. Они просто пропали, сгинули, погибли – так считалось до поры до времени. Но кто гарантирует, что многие эскадры не нашли новые миры и не обжили их?

– Мы обнаружили несколько таких миров. Жалкое зрелище. Им едва удавалось сохранить крупницы технологической цивилизации. Они были привязаны к своим новым планетам.

– Они – да. А другие? По другую сторону барьера, в «теневых мирах»?

– Какие другие?

– Документ 87\ 165! – отдала приказ Пенелопа компю.

В воздухе завис переливающийся разными цветами текст. Пенелопа протянула руку, и ей на ладонь лег отпечатанный на пластиковом листе документ.

– «Аспекты внешнего воздействия на гуманоидный сектор не идентифицированных сил присутствия», – процитировал Динозавр. – Что за чепуха?

– Прочитай подчеркнутые выдержки. Динозавр внимательно ознакомился с ними и недовольно осведомился:

– Этот аналитик офицер Ньюмен из информационного центра Бюро считает, что за многими не расследованными случаями, происшедшими в ОПА, стоят «темные миры»?

– Именно. Мы привыкли все списывать на происки москвитян. А он делает допущение, что враги могут говорить и на других языках.

– Недоказуемо.

– Идиоты из Бюро посчитали так же, – кивнула Пенелопа. – Вот еще. Справка по делу Найсмита.

Еще один лист порхнул в ее ладонь.

Динозавр ознакомился и с ним.

Восемь лет назад была зафиксирована попытка проникновения в Институт Короля Артура – так в шутку прозвали научно-исследовательскую организацию, занимавшуюся в интересах обороны исследованиями в области паранормальных явлений. Польза от него была не такая большая, пока ни один колдун и экстрасенс не мог противопоставить ничего боевому истребителю или плазмопокрывалу. Но такие исследования все равно велись как в Аризоне, так и в Московии – был призрачный шанс получить, наконец, в этой области преимущество перед стратегическим противником.

Институт Короля Артура имел славу обители сумасшедших всех мастей. Астрологи, колдуны, авгуры и еще черт-те кто – кого там только не было. Все они там чувствовали себя комфортно, сосали денежки из федерального бюджета и в ближайшие столетия не собирались их оправдывать.

Если бы чужой агент пытался проникнуть в суперсовременные лаборатории на Стрельце-восемь, тоже принадлежавшие институту Артура, но занимающиеся серьезнейшими психотронными исследованиями, это еще можно было бы понять. Но лазутчик влез в банк данных по старинным рукописям, слизнув оттуда всю информацию, а затем отправился в музей института, в котором был собран разный хлам со всех концов Вселенной, имеющий якобы магическое значение. Лазутчик без труда преодолел системы охраны – благо охранялся этот филиал не особенно хорошо. Однако в последний момент пришелец сделал ошибку, у порога музея он

напоролся на охрану, попытался уйти с боем, подстрелил трех человек и попал наконец под хлыст нейтрализатора.

Сотрудники ФБР привычно посчитали его за московитянского лазутчика. Этот человек не значился ни в одном регистрационном банке. Его просто не существовало – так же как и десантника, павшего в доме Динозавра.

Лазутчик молчал и не реагировал ни на какие вопросы. Тогда за него взялись с использованием гипноснаimatелей и правдоискателей. И специалисты обнаружили очень сложную систему психологических блокировок. Ее почти удалось преодолеть. Наконец, допрашиваемому смогли задать несколько вопросов.

- Как тебя зовут?
- Несущий Молнию.
- Ты из Москвы?
- Нет.
- Откуда?
- Орден Копья!

Эти слова были последними. Вступила в силу не выявленная глубокая блокировка. Были нейтрализованы рефлексy, отвечающие за дыхание, и агент погиб.

– Он слизал из информбанков в числе прочей информацию по проявлениям полтергейстов, – произнес Динозавр.

– Так точно, сэр! – улыбнулась Пенелопа. – Теперь полюбуйся на это.

Следующая распечатка легла в ее руку. У Динозавра полезли глаза на лоб.

– Нападение на космический госпиталь. Это же объект Галактического Комитета Общей Безопасности!

– Да. И там тоже было несколько «фокусников».

– Неизвестные штурмовики «Торнадо». Это серьезно. Такие машины могут позволить себе немногие.

– В тот-то и соль...

Динозавр внимательно ознакомился со всеми случаями похищений носителей полтергейста последних месяцев.

– В четверти случаев загадочные противники успевали на место происшествия раньше, чем спецслужбы, полиция и служба спасения Аризоны вместе взятые, – задумчиво произнес Динозавр.

– Какой вывод напрашивается? – спросила Пенелопа.

– Они могут определять место будущего кризиса. Но как? И вообще – такое возможно?

– Значит, возможно. Они знают, где разгорится полтергейст. Полицейский глайдер только еще получает приказ на вылет к месту происшествия, а эти задницы уже там и берут за задницу тех ублюдков, – выдала Пенелопа. – Что нам это дает?

– Нужно успеть к месту очередного бедствия раньше их. Нам нужны они. Живые. Только как узнать заранее о том, где произойдет очередной полтергейст?

– Пока еще не знаю, – честно призналась Пенелопа. – Но у меня имеются кое-какие соображения и на этот счет...

– Попробуем испытать действие приорской «раковины» на самом молодом нашем пациенте, – сказал Сомов, сидевший в кресле. – Курсант Военно-космической академии восемнадцатилетний Павел Серебряков.

– Я должен принять участие! – потребовал разведчик.

– Тогда влезай в СВЗ.

– А ты? – спросил Филатов.

– Как ты представляешь работу с «раковиной» в скафандре высокой защиты?

Филатов пожал плечами. Послушно подошел к стене командного пункта. И влез в раскрывшийся лепестком СВЗ «Муромец», похожий на закованного в латы гоблина из старых английских сказок.

– Пошли, – кивнул Сомов.

Капсула местного сообщения отделилась от основного модуля госпиталя и направилась к висящей отдельно в космосе и не соединенной ни с чем зеленой «елочной игрушке» – блоку одиннадцать.

– Стыковка завершена, – сообщил комп. Друзья прошли по коридору к боксу. Остановились перед ним. Сомов нервно провел рукой по лицу и приказал:

– Комп, открыть!

– Особо опасный блок. Подтверждение, – привычно потребовал комп.

– Подтверждаю.

Они прошли куб со стороной в восемь метров. Пластиковая мебель из пенорезины, о которую невозможно ушибиться, составляла всю обстановку. Сложнейшая аппаратура не была видна, но при необходимости могла словно по волшебству возникнуть из пола, стен и потолка. Тяжесть здесь была семьдесят процентов земной – наиболее благоприятная для излечения любой болезни.

– Комп, общее состояние больного? – осведомился госпитальер доставая из кармана «раковину» приоров.

Пока компьютер долдонил малопонятные для Филатова слова, типа: «Усредненное состояние гомеостаза образует показатель пять единиц по шкале Голева...», разведчик неотрывно смотрел на «раковину», в которой таились огромная энергия, непредсказуемые возможности. «Раковина» слушалась только Сомова, да и то редко. Есть ли шанс, что госпитальеру удастся найти с ней контакт сейчас?

Госпитальер подошел к больному – молодому человеку – высокому, симпатичному. Выглядел тот неплохо – на щеках играл румянец, но глаза его смотрели куда-то в пустоту. На внешние раздражители он не реагировал.

Сомов опустил на выросший из пола пенорезиновый куб, прикрыл глаза и положил ладонь на «раковину». Сперва ему показалась, что надежда на контакт тщетна. «Раковина» не откликалась на мысленный призыв. Она была мертва. Мертва обманчиво.

А потом неожиданно госпитальер почувствовал поднимающееся тепло. Оно приходило из каких-то иных миров, не имело ничего общего с привычным теплом. Оно могло жечь огнем, но при этом температура окружающей среды не поднималась ни на градус.

Сомов улыбнулся. Ему стало хорошо и приятно. В его руках была мягкая и добрая сила, которой он владел и которую хотел направить во благо.

А потом он вошел в контакт с больным. Почувствовался запах озона. Неожиданно госпитальер стал ясно различать ауру курсанта.

Дело не в том, что госпитальер стал видеть ауру – он *j*: видел ее и без помощи «раковины». Но сейчас энергетическая оболочка была перед ним четче, чем физическое тело. И кроме того, Сомов ясно видел, что кокон разделяется на несколько пластов. Последнее тело представляло из себя микроскопическую точку. Если долго смотреть на нее, то она была по глазам, вызывала резь. Возможно, это была квинтэссенция духа. А может быть, очередное тело, но более глубоко Сомов просто не мог проникнуть взглядом.

Все эти тела находились в болезненном диссонансе. Тепло «раковины» становилось мягче и приятнее. И вдруг Сомов понял, что способен влиять на эти тела. И он начал строить из них матрешку. Получалось это с трудом. Дисбаланс был очень силен. И силы, вызвавшие его, были огромны и коварны.

Сколько времени боролся Сомов – он не знал. Но начало что-то получаться. Тела приходили в какое-то соответствие друг с другом. Но госпитальер понимал, что не удержит их долго. Возможности «раковины» безграничны. Но ограничены возможности человека, вошедшего с ней в контакт. Может позже, когда он проникнет глубже в болезнь, проникнется ее духом, он сможет вылечить этих людей, так нуждавшихся в помощи. Но сегодня он был не способен на это. Сегодня он мог только немного выдернуть сознание курсанта Военно-Космической академии Серебрякова на поверхность нашего мира.

Неожиданно курсант открыл глаза. В них была боль. И госпитальер понял, что почти достиг цели.

– Как тебя зовут? – спросил Сомов.

– Я не знаю.

– Павел...

– Павел Серебряков, – жестяным голосом произнес пациент. – Я – курсант Военно-Космической академии Павел Серебряков. Я – Павел Серебряков...

– Вы больны.

– Я, курсант Павел Серебряков, болен.

– Когда это началось?

– Я курсант Павел Серебряков.

– Когда мир сломался, Павел?

В глазах больного появилось понимание.

– Класс спецтренажеров. Я там был один. Там все началось.

– Что началось?

– Там было очень плохо.

– Что там произошло?

– Я пришел туда раньше других... Я сидел на стуле и смотрел информпакет по навигации.

И тут... Он замолчал.

– Ну же!

– Тут пришел он.

– Кто?

– Гость.

– Какой он был?

– Обыкновенный... Я, курсант Серебряков...

– Какой он был?!

– Не помню. Он сказал: «Ваш мир перешел „черту“ Он на грани глобальной катастрофы.

Спасутся избранные».

– Что? Так и сказал?

– Да.

– «В мире много зла. Мир погряз во зле. Зло – материальная сила. Зло взорвет ваш мир».

– Так и сказал? Кто он?

– Вестник. Я – избранный. Я – спасусь. Я должен отдать долг.

– Какой долг?

– Я, курсант Серебряков...

Госпитальер понял, что теряет контакт с «раковиной». В глазах померкло. Он начал заваливаться набок, падая с кресла.

Филатов кинулся к нему и поддержал его.

– Я в порядке, – кивнул Сомов, отводя руку друга. – Уходим.

Арена представляла собой стеклянный круг метров семидесяти диаметром, над которым в семи метрах висел, удерживаемый едва различимыми витыми колоннами, такой же круг, утыканный, как еж иголками, тонкими антеннами сенсорнаведения.

Арене было далеко до Большой Арены Нью-Тауна – гигантского суперсовременного сооружения, оснащенного самой совершенной аппаратурой для массовых сенсоригрищ и объемных садомахов – та могла вместить до миллиона человек, психокинетический напор, когда она заполнялась хотя бы на треть, был такой силы, что прокатывался по Нью-Тауну, и даже на окраинах всю ночь не могли прийти в себя собаки, мяукали коты и утром головная боль мучила людей, не додумавшихся включить на ночь электромагнитную защиту.

Малый Мадрид – город в пяти тысячах миль от Нью-Тауна – заслужил славу обители умеренных, а то и патриархальных нравов. Поэтому сенсоригрища на местной Арене были вполне пристойными. До композиций новой звезды сезона Стала Людолюба здесь было далеко.

К часу ночи сюда стали стекаться люди. Сотни людей. До начала сенсоригрища оставалось полчаса, и агрессивные плоскуны, шокирующие голоноудисты, взведенные «отпадники» – искатели сенсорудрвольствий, неразборчивые во вкусах волновые наркоманы и просто пристойные граждане толкались в ожидании сеанса.

Все было как всегда. У кого-то еще до начала представления начался припадок нарколододания, и дежурящий врач в сопровождении киберпаука-медика начал колдовать над несчастным, угощая того небольшой дозой электромагнитного нарковоздействия.

Здесь была своя тусовка. Многие люди знали друг друга. Сновали торговцы запрещенными тяжелыми нейросенсориками. Витал запах эротических духов-возбудителей и нового модного одеколлона, пахнущего отвратной гнилью. Кого-то ткнули виброножом, и доктору опять нашлась работа, через три минуты появился глайдер с реанимационным контейнером, а полицейский-робот начал журить скованного в наручники плоскуна, не обращая внимания на сыпящиеся удары железных прутьев и виброножей, которыми награждали его товарищи задержанного.

Наконец робот выписал правонарушителю штраф, и отъехал на бронегусеницах в сторону.

Так что все было относительно тихо, пристойно и не предвещало неприятностей.

И вот действие началось.

Джек Поганец – гастролирующий представитель умеренного направления кретинрока – воспарил на гравиплатформе над Ареной. Он был коротко стрижен, похож на банковского служащего, одет в темный смокинг и бабочку.

Вспыхнул и начал переливаться свет – он вспучивался ядерными грибами, плел лазерные кружева. Он бил по глазам и по нервам. Потом на уши надавил неслышимый инфразвук, вызвав укол пьянящего ужаса.

Начали появляться и рушиться беспорядочные абстрактные СТ-проекции. И это в полном молчании.

– Ура, слизни! – прокатился голос Джека Поганца.

– Слизни, слизни! – завизжала толпа.

Джек сделал движение, и из его рукавов посыпались звезды. Они касались лиц людей, полыхая жаром, но не причиняя вреда. По Арене поползла жуткая вонь.

– Грязные, вонючие, мерзкие, пахучие. Кто? – взвизгнул Джек.

– Мы! – заревела толпа.

– Слизни!

Голос его становился громче. Он рокотал весенним громом, и спасения от него не было. Но никто и не искал спасения. Всем хотелось большего. Все знали, что это только начало.

Иголки генератора сенсорнаведения начали подрагивать и покрылись зелеными и синими молниями.

- Блюй на смокинг ближнего! – заорал Джек.
- Слизни! Да! – взревела толпа.

И каждый в ней ощутил, что волна приятной боли обрушивается на него, что он перестает быть собой, а становится частью в унисон ревущей толпы.

- Испражняйся! – орал Джек.
- Слизни! – вторила толпа.
- Сношайся! – визжал Джек.
- Слизни! – вторила толпа.
- Вонючки, пахучки! – бил себя кулаками по телу Джек.
- Мы-ы-ы! – радостно выла толпа.

Усики генератора накалялись все больше. Все дальше в людях отходило осознание собственного эго. Радостная разрушительная волна несла людей вперед. Там, где в нарастающей вони, в океане отвратного вкуса, появившегося во рту, в легкой боли маячил черным и желанным провалом ОН! МАЯЧИЛ КАЙФ!

- Ползучие, гнойные! – взвизгнул Джек.
- Мы!
- Поганые и беспокойные!
- Слизни!

Гравиплатформа кружила все быстрее. На ней катался и корчился, бился в припадке Джек. И волны его чувств, напор его отвращения, злости и агрессии считывались аппаратурой и передавались через усилители на всю беснующуюся, ревущую толпу...

Гравиплатформа заложила новый вираж. Толпа бесновалась синхронно. И никто не обращал внимания на одного человека, выпавшего из нее. Он стоял, уставившись вдаль, и не обращал ни на что ровным счетом никакого внимания.

Он вздрогнул. Его лицо изменилось, по нему прошла судорога. И вдруг летящая над ним Гравиплатформа накренилась. Дернулась. И начала медленно заваливаться на бок. Она приподнялась на метр и рухнула, впилилась в пол. Чудом придавило лишь двух человек. Джек упал на пол и, не в силах вернуться в действительность, продолжал кататься по полу, что-то повизгивая.

А тем временем усики сенсоргенератора наверху начали корежиться. Они изгибались неведомой силой.

А человек стоял в центре начавшей бурлить толпы и глядел перед собой.

Толпа забурлила. Люди давили друг друга, пытались выбраться, но удавалось это не всем. Но народу было не так много, чтобы в давке кого-то задавили насмерть. Роботы-полицейские пытались не допустить членовредительств. Кто-то стонал. Кто-то плакал. Кто-то упал на колени и бил кулаками землю. Обломанный Кайф – это отвратно. Это унижительно. Это страшно.

Через пять минут над опустевшей Ареной завис полицейский глайдер, и на землю спрыгнули двое патрульных в защиткомбинезонах, с опущенными шлемами. Они не знали, с чем столкнулись. Администратор Арены объяснил им в двух словах все. Тут же ушел кодированный импульс в штаб-квартиру ФБР – он означал, что объявился «фокусник».

Полицейские стояли в стороне от незнакомца и старались не приближаться, вместе с тем они готовы были во что бы то ни стало не дать ему скрыться.

Впрочем, этот человек, лет тридцати пяти на вид, и не пытался бежать. Он походил на обычного служащего. В нем не было ничего особенного. И вместе с тем в нем была угроза. И угроза нешуточная. Невероятная. О ней напоминала искореженная Арена.

Через три минуты приземлился еще один глайдер. Оттуда вышли трое – двое мужчин и женщина. Они были одеты в черную одежду, и лица у них были скучающими.

Поджав губы, старший, протянув идентификационную карточку спецагента, спросил сержанта:

– Вот этот?

– Так точно, сэр! – сержант под пристальным взглядом непроизвольно вытянулся в струнку.

Второй полицейский прошелся распознавателем по карточке агента, и вскоре пришло подтверждение из центра – такая зарегистрирована, агент именно тот, за кого себя выдает, без дураков.

– Мы его забираем, – сказал старший группы. – Вы получите премию.

– Спасибо, сэр! – сержант вытянулся в струнку. Глайдер с «фокусником» и его сопровождающими растворился в небе.

– Что ты думаешь, Майк? – спросил сержант своего напарника.

– Они как пришельцы с того света, – пожал тот плечами.

– Я всегда говорил, что в ФБР работают парни со странностями, – коп сорвал с головы шлем и провел рукой по лбу.

Через десять минут появились еще двое парней со странностями. Точнее, один парень и девушка. А еще точнее – Пенелопа и Динозавр.

– Где он? – взревел Динозавр.

– Ваши его забрали, – растерянно произнес сержант.

– Наши?! – воскликнул Динозавр, взял за плечи сержанта и встряхнул его, как куклу.

– Сэр, они предъявили карточку, – сержант кивнул на идентификатор.

Память идентификатора содержала информацию о предъявленной карточке. Вот только получалось, что агент, который ею владел, в этот момент находился в отпуске.

– Они залезли в компьютерную идентификационную систему Бюро, – устало произнесла Пенелопа.

– Ребята знают свое дело, – кивнул Динозавр и направился к своему глайдеру. Ему в спину смотрели растерявшиеся полицейские. Один из них жалел о потерянной премии, а другой жалел о том, что вообще очутился сегодня здесь...

– Итак, что мы имеем? – осведомился Филатов.

Друзья сидели в пустой кают-компании, откуда только что вывалилась толпа слегка подвыпивших ремонтников, и обсуждали свои проблемы.

– Я запросил аналоговый материал в банках данных главного Библиотечного комплекса Московии, – сообщил госпитальер. – Пришел информпакет с таким количеством информации, что мне на досуге читать это лет пятнадцать.

– Ну а в двух словах.

– В двух словах то, что наговорил курсанту загадочный гость, иначе как окоlesiцей распценить невозможно, – отмахнулся Сомов и серебряной ложкой подцепил кусок желе со вкусом коньяка.

– Ты не веришь в конец света? – усмехнулся Филатов, рассматривая госпитальера.

– Эта страшилка сопровождает человечество всю его историю. С предсказаний о конце света собирали сливки бесчисленное количество сектантов, проповедников и просто умалишенных. Не верю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.